

Сергей Савельев: Диалоги с гением

Амиран Сардаров

Содержание

Пара слов от себя.....	3
Мозг.....	6
Гениальность.....	9
Цивилизация.....	22
Наука.....	33
Массовое воздействие.....	40
Человек.....	45
Доминантность.....	50
Мотивация.....	53
Уважение к инстинктам.....	57
Постановка и достижение целей.....	59
Психологические заморочки.....	63
Женщины и размножение.....	70
Разное.....	76
О себе.....	81
Напоследок.....	87

Пара слов от себя

Где-то в конце 2012-го года я наткнулся на ролик в ютубе, называвшийся «Церебральный сортинг», где Сергей Савельев рассказывал что-то про мозг и его сканирование. Сначала толком не понял о чём речь, но в целом понравилось, хотя и не придавал особого значения. Через некоторое время, также почти случайно наткнулся на видео «Повелитель мозга», и вот тут уже это на меня произвело значительное впечатление.

Прежде всего, мне понравились неординарные мысли, при этом не облачённые в политкорректную упаковку. Обычно все эти учёные боятся сказать лишнего слова, постоянно делают оговорки, обтекают сложные вопросы, сглаживают острые углы и не дают конкретных ответов. А тут сразу стало видно, что он открытый правдоруб, и что думает, то и говорит. На первом этапе подкупило и зацепило именно это.

Я посмотрел все его видео, прочитал многие статьи. Всему, до чего я дошёл на собственном опыте, я увидел научное подтверждение, а не какую-то абстрактную болтовню. Мои эмпирические подозрения Савельев «иллюстрировал» научными доказательствами. Появилось ощущение, что с ним можно поговорить как есть, ничего не утаивая и не делая «скромный и приличный» вид. Что он не будет делать пафосных морализаторских обертонов и назидательно давать «ценные указания о праведной жизни», а также рассказывать о каком-то сказочном красивом мире, что-то приукрашивать и уходить в отрыв от реальности. Что касается остроты мысли, то он абсолютно, как он сам про себя говорит, «грубый человек». Который говорит только о том, что может замерить, пощупать и взвесить.

У меня возникли как общие научно-философские вопросы, так и волновавшие меня лично. Появилось желание познакомиться и пообщаться, что я и сделал. Чтобы на него выйти, пришлось потратить немало усилий. Сначала просто искал его контакты в интернете, писал на какие-то емейлы, но ответа не последовало. В итоге нашёл журналиста, который брал у него интервью, и тот дал мне личный телефон профессора.

Я ему почти сразу набрал и спросил о встрече. Представился как интервьюэр из журнала, хотя слухавил, т.к. ни в каком журнале не работал и даже не имел отношения. Но мне было понятно, что для него как-то странно будет слышать предложение встретиться непонятно с кем, поэтому я решил повысить свои шансы. Пришлось пойти на хитрость. Но когда он согласился, я сразу написал нескольким крупным онлайн СМИ и порталам, и предложил им разместить у себя эксклюзивное интервью. Так что хитрость хитростью, но в итоге я её использовал не только в своих корыстных интересах, но и на пользу профессору.

Когда я ехал к нему на встречу, то особо никаких надежд не питал. Т.к. привык, что тот образ, который видишь на экране, и который подаётся медиа, в действительности может совсем себя не оправдать. В живую человек может оказаться неприятным, и совершенно не таким, каким себя показывал. Здесь же экранная картинка полностью совпала с реальностью. Он везде говорил одинаково,

более того, не под запись сказал много интересных вещей, которые произвели очень сильное впечатление.

Своими взглядами и идеями профессор Савельев опережает настоящее время на пару-тройку поколений. Более того, что он говорит сейчас, и для многих это кажется шоком и революционным открытием, то же самое он открыто говорил ещё лет пятнадцать назад. Если тогда это понимали, может быть, десятки человек, то сейчас уже понимают точно сотни, а может даже и тысячи. Хотя до массового понимания пока как до Луны. У тех, кто поймёт, о чём он говорит, перевернётся всё представление о мире и о жизни.

От себя лично я хочу, насколько в моих силах, поддержать профессора и донести его открытия и идеи до максимально широкого круга людей. Многие люди нуждаются в такой информации и даже наверняка специально её ищут, но может быть, ещё не видели физически и не могут на неё выйти. Надеюсь, эта книга как-то им поможет.

Отдельно хотел бы сказать то, что я сам думаю о профессоре. Если брать всю информацию, как под запись, так и нет — появляется чёткое впечатление, что общаешься с гением. Параллельно «рвёшь волосы на голове» и удивляешься, как ещё кто-то может не понимать таких вещей, о которых он говорит. Становится слегка тоскливо от осознания того, насколько отсталое мышление у большинства людей, в том числе на верхушке власти. Большинству из нас может казаться, что мы что-то понимаем в происходящем в мире, реально же даже современный «продвинутый» житель мегаполиса в своём мышлении во многом отстаёт от действительности лет на 100, а то и больше. Не говоря уже о каких-нибудь дикарях.

Савельев сейчас не популярен. Потом что он не пилит бюджет, не низкопоклонствует перед «большим начальством» и не обманывает грантодателей. Не пытается кого-то обманывать и разводить на деньги, чем занимаются большинство «учёных», рассказывающих про различные волшебные таблетки и обещающие светлое будущее. Он говорит ту правду, которую многие не хотят слушать. В результате мы имеем, на мой взгляд, пока ещё не признанного гения, мысли и идеи которого будут осознавать ещё как минимум лет 50.

У меня, конечно, есть небольшая обида за то, что его не просто не признают и не понимают, а ещё и пытаются всячески загнობить. Негативный искусственный отбор, о котором он говорит, в полной мере работает и на нём самом.

Надеюсь, что ещё при жизни его не только признают, но и дадут возможность реализовать свои бесценные для людей и цивилизации идеи, которые он пытается внедрить. Но об этом подробно в книге.

Сначала я задал вопросы общего характера, а потом и личного. Тут, кстати, я себя раскрыл ещё и как интервьюера — понял, что могу делать неплохие интервью, не хуже, чем профессиональные журналисты. С профессором я встречался несколько раз, параллельно ещё писал книгу «Жизнь с головой». Вопросы задавал том числе для неё, чтобы подтвердить мой личный опыт с

научных позиций. За несколько встреч скопилось такое количество материала, что стало понятно, что по нему можно сделать отдельную книгу.

Желание оформить интервью в виде книги возникло потому, что по всему интернету есть огромное количество разрозненной информации, а тут я с ним поговорил почти на все темы, в которых есть логическое начало и конец. Через призму виденья профессора можно узнать ответы на многие вопросы. Как он видит и понимает мир, как относится к людям.

Книга поделена на тематики, но это разделение весьма условно, потому что в каждом ответе и даже абзаце затронуты сразу несколько тем. Многие моменты могут повторяться, но они повторяются с разных позиций и ракурсов. Так что это повторение только пойдёт на пользу.

В целом же эта книга получилась для продвинутых. Те, кто уже «знаком с Савельевым», могут узнать в ней кое-что новое, что он до этого ещё нигде не говорил. Новичкам же рекомендую читать тоже, т.к. тут даются ответы на многие важные даже в бытовом смысле вопросы. Если читать внимательно, продумывать каждую фразу и даже слово, то очень на многое совершенно по-новому откроются глаза.

Тем, кто первый раз знакомится с Савельевым, всё же желательно ознакомиться с базовыми моментами, про которые он говорил неоднократно. Потому что в большинстве интервью ему задают довольно банальные вопросы, на которые он даёт глубокие ответы. Здесь же вопросы углублённые и рассчитанные на продвинутых. Поэтому, если что-то вам покажется непонятным или оторванным от жизни, сначала почитайте и посмотрите его старые интервью.

Ресурсы Сергея Савельева:

Сайт со всеми материалами: www.s-v-saveliev.ru

Канал на ютубе: www.youtube.com/user/SavelievMozg/videos

Мозг

Амиран Сардаров: Каким образом мозг создаёт нечто новое? То, чего ещё не было в природе, и что невозможно логически вывести из предыдущих знаний.

Сергей Савельев: Почему нельзя сделать искусственный интеллект? Мы храним огромное количество информации, у нас нейронов полтора-ста миллиардов. И эти нейроны каждый день несколько связей образуют и несколько разрывают. У каждой нервной клетки от ста тысяч до миллиона связей. Связи информационные, по ним информация проходит. Она хранится, двигается, и передаётся от нейрона к нейрону и от групп нейронов по системам связей, они довольно большие. Если мозг выключить на 5-6 минут, то внутри перестаёт передаваться сигнал, и, как в компьютере, «оперативная память» стирается. Человек перестаёт узнавать себя в зеркале.

Так вот, образование таких связей это очень важный момент. Именно тогда соединяются неожиданные информационные блоки, и тогда происходит «озарение». Это нормальное адаптивное свойство нервной системы — привыкать к новой ситуации и запоминать новую информацию. В момент образования новых связей появляется новый путь движения сигнала, и там хранится нужная информация. Ненужную забываем (связи разрываются), а новую, необходимую, запоминаем.

Получается так, что работают 150 миллиардов компьютеров. Вдруг пришли мужики и 2 миллиарда из них соединили случайным образом. Информация объединилась, и в этот момент появилось нечто новое. Проблема заключается в том, что наше мышление морфогенетично. То есть оно требует морфологической перестройки нервной системы. И если такая перестройка не будет происходить, то и не будет творческого мышления.

Амиран Сардаров: Интуиция — это инстинкты?

Сергей Савельев: Да, но есть одна тонкость. У нас огромное количество органов чувств. Хотя у журналистов обычно их пять и ещё одно шестое, астральное чувство. А вообще их основных только 18 — которые мы не понимаем. Наше же обезьянье прошлое позволяет нам различить многие вещи, которых мы не видим.

Кроме того, сам рассудочный мозг, которым мы думаем, эта вся система, нужен для того, чтобы эту интуицию поддерживать. Это на самом деле хранилище для переработки информации. Вспомогательная система инстинктивно-гормональных форм поведения. И если бы мы не вступали в противоречие, в результате устройства социальной системы вокруг себя, то мы бы и жили как ловкие и умелые обезьяны, и было бы всё хорошо. Но за счёт того, что эта рассудочная часть оказалась очень большой и смогла, в конце концов, справиться с инстинктивно-

гормональными системами, или хотя бы их уравновесить, то произошло то, что имеем.

Амиран Сардаров: Можно ли при жизни определить, какие у человека мозги без томографа высокого разрешения? А также свой потенциал и область деятельности.

Сергей Савельев: Нет. Очень много помех, особенно в молодом возрасте. И то нравится, и это, и тут что-то получается, и здесь его поддержали и сказали, что тут получается. Он затыркается и не найдёт себе применения. Это практически невозможно. Был же миллион попыток. И американцы, и европейцы, и наши, кто только талантливыми людьми не занимался, кто только их не отбирал. Эта псевдопсихологическая система выдохлась и закончилась полным провалом. То есть человек имитирует так хорошо, что очень сложно отличить умного от дурака, который тебя обманывает. Достаточно включить телевизор, чтобы убедиться.

Нельзя по внешним признакам определить способности человека. Тем более, с женщиной. Всё заточено на размножение, мозги ещё более изощрённы в имитации форм поведения, потому что цель получить детёныша и его выкормить. Это вообще цель жизни, биологическая. Других нет. И поэтому биологическая цель подчиняет мозг этой задаче, и никогда не докопаешься.

Амиран Сардаров: А тест IQ?

Сергей Савельев: Он отправил всех умных в США на бензоколонки и в тюрьмы. Там запрещено сортировать детей по этому принципу. Этот тест идиоты создали для идиотов, чтобы отбирать посредственностей, которые будут удобны. Не для гениев это создано. Почитайте самого автора — Ганса Юргена Айзенка. Он категорически был против использования этой схемы для сортировки. Это отбор посредственностей, социализированных и удобных. IQ — ещё один способ искусственного отбора людей, чтобы отсечь самых асоциальных и самых умных, а отобрать самых посредственных. И дать им возможность размножаться. Чтобы человечество интенсивно глупело и легко управлялось.

Амиран Сардаров: Насколько изучен сегодня мозг человека, но не анатомически, а именно с точки зрения принципа работы? И можете ли вы сегодня с уверенностью сказать, что то, что вы уже знаете о мозге человека, это на 100% истина, и через 10 лет не будет открытий, опровергающих ваши утверждения?

Сергей Савельев: Я занимаюсь только тем, что можно взвесить, измерить и проверить. Я не занимаюсь словесами. Я даже не занимаюсь молекулярной биологией мозга. Хотя ничего сложного нет, когда нужно решить эту задачу, то решаем. Проблема в том, что, сколько вы в электронный микроскоп не смотрите, вы лишь изучите

кирпич в деталях, но вы никогда не поймёте по каким принципам устроен и работает город. А здания там из разных кирпичей. То же самое и с мозгом. Можно бесконечно углубляться в отдельный нейрон, отдельную связь, отдельный синапс, который передаёт сигнал, но вы не поймете, как это работает, потому что нейроны одинаковы и у пиявок, и у человека. Разницы по нейронам нет. Их можно объединить, они будут вместе работать, им плевать. Только их количество является критичным. Имеется ввиду, при соответствующей массе тела. У кита мозг 6-9кг, но это не значит, что он хорошо думает, его мозгом надо управлять гигантской тушей. Там на думалку остаётся очень мало. А у человека такая система как раз сложилась эволюционно (кому надо, тот может почитать мою книгу «Возникновение мозга человека»), что он думать может.

Амиран Сардаров: То есть, как работает мозг, на сегодняшний день понятно довольно хорошо?

Сергей Савельев: Очень хорошо известно и понятно. Просто большому количеству людей это не нравится.

Гениальность

Амиран Сардаров: Почему при наличии гениальности очень часто присутствует какая-либо психическая патология?

Сергей Савельев: Кратко и сжато это описано в книге «Изменчивость и гениальность». Но поясню для людей неподготовленных, которым лень, трудно и терминологически неприемлемо читать мои книги.

Вообще, это не всегда так. Не всегда человек, имеющий гениальный мозг, имеет нарушения в психике. Не все гении идиоты, сексуальные маньяки и асоциальные типы.

Амиран Сардаров: Вангог отрезал ухо, Лермонтов шизик был...

Сергей Савельев: Гениальность таких людей, как Лермонтов и Вангог вызывает некие сомнения. Как, впрочем, и Эйнштейна. Там не всё так чисто было. Не хочу наводить критику.

Есть такая замечательная работа, как архив Сигалина «Одарённость и гениальность». Книги редкие, журнал изъят, ликвидирован. Там он много говорил о личностях таких людей, патологическом состоянии. Есть книга Освальда, где говорится, что действительно, в некоторых случаях гениальность сочетается с патологией и отклонением мозга. Такую же патологию искал Ломброзо, целенаправленно этим занимался. Но проблема в том, что это есть не у всех. Процентом 10-20 из гениальных и одарённых людей, проверенных временем, не имели никаких патологий.

Амиран Сардаров: То есть, это миф?

Сергей Савельев: Это миф, но под ним есть и кое какие основания. Какие основания есть, и в каких ситуациях это возникает? Возникает в той ситуации, когда у человека реализуется его гениальность, выраженная, яркая, связанная с тем, что существует структурная предрасположенность мозга, таким образом, что это вызывает внешние проявления. То есть человек ведёт себя как-то нехорошо, без штанов приходит на работу. Это не значит, что все, кто пришёл на работу без штанов — гении. Скорее всего, это идиоты. Но, тем не менее, в одном случае на миллион это может случиться.

В чём же дело? Надо обратиться к первоисточникам. Человеческое поведение формируется из двух составляющих. Одна из них — то, что нам досталось от животных. Инстинктивно-гормональные формы организации поведения. Это три простых принципа: еда, размножение и доминантность. Они спрятаны за счёт социализации за всякими условностями, законами. Нехорошо, увидев красивую девушку, тут же на неё бросаться, спустив штаны. Хотя это было нашим недавним прошлым. А во многих регионах это до сих пор происходит запросто.

Чисто обезьянья форма поведения. И винить в этом людей нельзя. Потому что это и есть смысл жизни человека. Стремление к колбасе, размножению и золочённому Роллс-Ройсу. Это нормально для обезьян. А вот для человека, для гомо сапиенса, это плохо.

Но почему такое отклонение происходит и у гениальных? Один компонент, который сильно влияет, особенно на молодых людей — это инстинктивно-гормональная форма поведения, доставшаяся нам от приматов. Это одна форма, то, что у нас прячется в мозгах, и мы это называем словом «хочу». Это тот оголтелый эгоизм, который как раз питает наше самодвижение, мы хотим стать самыми лучшими, самыми умными, самыми сексуальными, найти себе длинноногую жену и прочее, и прочее. Это обезьяний компонент. Который, чем умнее человек, тем лучше скрывается. А чем глупее, тем больше выставляется напоказ. Эта неприглядная форма поведения, доставшаяся от обезьян, нами тщательно скрывается. Для этого приспособлено всё. Этим страдают все, поэтому государство устроено так, чтобы это скрыть, или заставить вести себя хоть чуть-чуть прилично какое-то время.

Вторая же часть, с которой борется инстинктивно-гормональная часть от обезьян — это уже социально выработанная форма поведения, за которую отвечает уже другая часть мозга. Это кора с бороздами и извилинами, которая предопределяет нашу рассудочную деятельность. Например, мама говорит «не надо жениться сразу на четырёх девушках, это плохо кончится». Или «не надо воровать, а то сядешь в тюрьму, и из тебя там сделают чёрт знает что». И прочие разные фокусы. То есть рациональное и разумное социальное поведение, которое позволяет нам не резать друг друга на улице впрямую, не отнимать, а зарабатывать деньги и на них покупать. То есть вся та социальная цивилизационная часть, которая построена на работе коры головного мозга.

Древняя обезьянья сидит внутри мозга. И вот нормальный человек всю жизнь мучается и мечется между двумя проблемами. С одной стороны, он хочет поступить как разнузданный бабуин, размножаться везде, где только можно, красть, бездельничать и развлекаться. А с другой стороны, социальные условия вокруг него говорят, что так нельзя. Надо поработать, прежде чем размножиться. Вот на этом балансе человек всё время и решает. Поскольку мы полуобезьяны, из-за этого мы всё время мучаемся между двумя крайностями.

Общество иногда призывает вести себя настолько рассудочно, что если ты будешь вставать только на позицию общества, то вообще никогда не размножиться и скорее всего, сдохнешь от голода. И то, и другое гипертрофированно. Сексизм, поедание бесплатной пищи и безделье — это гипертрофированно с одной стороны. Точно также же давление человеческого сообщества вести себя цивилизованно — это гипертро-

фированно с другой стороны. Владение в обе крайности приводит к диким результатам.

Так вот, нормальный человек состоит из двух дилемм. Ему постоянно хочется «высморкаться и разбросать сопли по всему асфальту». А с другой стороны, вроде как-то нехорошо, окружающие будут смотреть. В результате, человек всю жизнь мучается, выбирает то одно, то другое. Современный человек непоследователен, ущербен, и это не сделал, не оплодотворил всех самок в ближайших пяти километрах, и с социальной точки зрения ничего не достиг, потому что постоянно мучается между этими двумя началами.

На этих началах, кстати, паразитируют все теологические концепции. Все религии мира говорят, что есть ад, а есть рай, есть бог, а есть дьявол — выбирай. Под дьяволом в тех или иных вариациях выбирается инстинктивно-гормональная форма поведения, которая человека разрывает изнутри из-за нашего обезьяньего прошлого. А «бог» означает социально осознанную, небιологическую форму поведения. Вот на этом паразитируют все религии. Странников религии всегда будет тьма.

У гения ситуация ещё хуже, чем у обычного человека. У него в дополнение к лимбической системе (которая от обезьян) и неокортексу (рассудочная деятельность), есть ещё набор центров, которые определяют его способности. Эти центры, как и два упомянутых, состоят из нейронов (нервных клеток). И они могут включать миллион нейронов, а могут и миллиард. И для того, чтобы человек обладал хоть какой-то способностью, он должен обладать большими специализированными центрами. Например, зрительное восприятие (минимум 5 центров), чтобы он был хорошим художником — эти центры должны быть в 3-5 больше, чем те же самые структуры у других людей. В результате, внутри его мозга заводится третий. Такой секс на троих. И кому-то всегда не достаётся. Получается, ещё одна система структур внутри мозга играет такую же роль, как лимбическая (инстинктивно-гормональная) или рассудочная социальная (то, что человеку прививается с возрастом, с родителями, образованием). В дополнение к ним возникает ещё и третья, которая определяет его гениальные способности.

Вот вам приходится под одеялом, когда вас дома никто не видит и не может подслушать ваши мысли, выбирать между двумя: собственным тяжёлым обезьяньим прошлым и социальными требованиями, которые вам навязаны, и вы не понимаете, то ли их соблюдать, то ли нет. Вы здесь раздираетесь изнутри, а вам ещё добавляется ваш талант. То есть способность, которая человека мотивирует также, как две предыдущих. Вам надо выбирать уже из трёх переменных. И получается как в старом анекдоте с Владимиром Ильичом Лениным:

- Владимир Ильич, как вы работаете?

- Ну, как, батенька. Любовнице говорю, что иду к жене. Жене — что иду к любовнице. А сам в библиотеку габотать, габотать и габотать.

Вот о чём речь. О том, что обычный человек выбирает из двух невыбираемых ситуаций и всю жизнь мучается до самого гроба. Потому что обезьянье прошлое и социальные структуры не совместимы. А гений уже из трёх.

Иначе говоря, у гения, так как мозг предрасположен к некой деятельности, есть структуры, определяющие его талант, которые абсолютно материальны, их можно взвесить и измерить, и они вмешиваются в эту систему противоборства между «адам» и «раем». Между лимбической системой и рассудочной. И вот между двумя этими обычными характерными формами поведения вмешивается третья. Равновеликая, если человек действительно гениален. И тогда он выбирает из трёх переменных. И какая вероятность, что он будет последовательным социализированным хорошим человеком? Да никакой! Из двух-то выбрать большинство не может, а тут из трёх. И получается, что он заложник своего таланта, организации своего мозга, инстинктивно-гормонального прошлого. И в этом плане, конечно, справиться с ситуацией сложно. Поэтому, так или иначе, это приводит к тому, что те или иные социальные формы поведения страдают. Тем более, у мозга объём ограниченный. И если есть что-то большое, то рядом будет что-то не очень большое. За счёт чего это решается? Большие структуры определяющий его талант, отъели и от рассудочной деятельности, и от инстинктивно-гормональной свою долю. В результате и то и другое стало ещё хуже. Результат превосходит ожидания. Мы видим 80%-е отклонение в поведении, которое являются платой за талант. Это не сопряжённые явления. Но это, обычно, плата. Не все идиоты гении, но большинство гениев имеют отклонения.

Амиран Сардаров: Почему часто гении проявлялись в тяжёлых условиях?

Сергей Савельев: Тяжелые условия позволяют гениям просто выжить. Чем более комфортное в социальном отношении общество, в котором гений появляется, тем меньше шансов, что он доберётся до соответствующего образования и займёт соответствующий социальный уровень. Люди, которые прекрасно адаптированы, которые отлично питаются, ведут здоровый образ жизни, не могут прошляпить появление гения, и уничтожат его в зародыше. Только на изломе эпох, только в социальной неразберихе появляются гении. И тогда, несмотря на голод, холод и прочие испытания, социальный отбор на них не действует. И они умудряются пробиться.

Амиран Сардаров: Разве человек развивается не в страдании?

Сергей Савельев: Не в страданиях дело. Консервативное жёсткое стабильное общество гениев выявляет очень рано и уничтожает их на корню. Это отрицательный церебральный сортинг, который идёт у человечества последние несколько сот тысяч лет и привёл к уменьшению нашего мозга. Именно потому, что человечеству не нужны

гении. Социум не любит ни гениев, ни талантов. Ему нужна стабильность. Посмотрите на законы, в нашей стране, в США, в Англии. Они что, принимаются для того, чтобы гениев выявлять? Я вас умоляю! Принимают законы, чтобы поощрить размножение. Материнский капитал, деньги на ребёнка — что они поощряют? Это что, только человечество умеет делать? Нет, и клопы этим отлично занимаются. Почему бы клопам не приплачивать? Это уму непостижимо!

Амиран Сардаров: А вот идея о том, что человек страдал, мучился, и его озарило?

Сергей Савельев: Если только речь идёт о гениях, которые писали репродуктивные стихи, как А.С. Пушкин. Для людей творческих, где эмоционально-гормональная основа играет роль, этот стимул сильно влияет на результат. Про стихи Пушкина один наш современный поэт сказал, что они все «плавают в спермическом бульоне». О чём может писать 14-тилетний мальчик? Только о том, что у него торчит. Больше ни о чём. И какие там могут быть глубины этих чувств? Конечно, женщинам нравится, они вообще больше ни о чём думать не могут. Это нормально.

Когда мы говорим о людях, которые пишут о цветочках, любви и песочке, то, конечно, вопрос сводится к тому, что это за гениальность. Гениальность выразить свои инстинктивно-гормональные эмоции? Талант для этого, безусловно, нужен. Но какое это имеет отношение к человечеству, человеческому интеллекту, развитию человека? Мы о чём говорим, о том, как выразить эмоции по поводу размножения? Ну, так соловьи намного лучше выражают, они поют красиво и тонко.

Заходишь в книжный магазин, где всё заставлено сочинениями, написанными гормональными самцами и самками. Что это рождает? Обращается к инстинктам. К инстинктивно-гормональным формам поведения. На этом паразитируют все, даже китайские автомобилестроители. Это точно такой же паразитизм. Торговля при помощи гормонально-инстинктивных форм врождённого поведения. Мужчина не может не реагировать на голую девицу, потому что у него гормоны начинают вырабатываться. Точно также поэт, обращаясь к чувствам, которые раздрают пубертатных девочек, естественно пользуется бешеной популярностью. И неважно, какие именно эмоции он даёт. Важна амплитуда, гормональный скачок.

На этом построена масса вещей. Поп-музыка. Это чистый паразитизм на подогреве инстинктов.

Амиран Сардаров: Гениальность спортсмена — такое бывает?

Сергей Савельев: Мышечная, конечно. Есть люди, которые имеют очень быструю реакцию. В мозге также представлены мышечные центры управления движением. И гениальность спортсмена, безуслов-

но, есть. И они действительно умеют делать то, что не умеют другие. Тот же Зидан, когда он своей кривой ногой непонятно откуда бил по мячику и тот летел куда нужно.

Конечно, есть таланты. И они точно также морфологически представлены. Не обязательно, чтобы человек думал о чём-то. Он может просто управлять своей мускулатурой. Это поле в мозге. Такое большое и совершенное, что он переигрывает всех других. И как только появится церебральный сортинг, и так начнём отбирать спортсменов, победим на всех олимпиадах.

Амиран Сардаров: Что может помешать внедрению в массы ЦС? Например, религиозные деятели и группы людей, борющиеся за «права человека». Кстати, вас часто называют фашистом.

Сергей Савельев: Пусть называют. Но в чём фашизм? Наоборот, я во всех книгах чётко и ясно всегда пишу, что индивидуальная изменчивость мозга значительно перекрывает расовую.

Амиран Сардаров: Они прямо закипают, когда вы про это говорите. Все те, кто верят во что-то.

Сергей Савельев: Верьте во что угодно. Но их же не злит, что один синтоист, другой верит в ислам, третий в христианство, четвёртый в иудаизм. Проблема заключается в том, что не только я раздражаю. Есть много разных религий. Их не любят также, как и меня. Для них всё равно, потому что религия это всегда нетерпимость. Религия по своей аксиоматике нетерпима.

Амиран Сардаров: Но при этом написано, что «надо подставлять вторую щёку».

Сергей Савельев: Такие сказки всегда есть.

Я наоборот пишу, что какой там расизм. В книге «Изменчивость и гениальность» я ясно пишу о том, что негр, китаец и белый могут договориться друг с другом в тысячу раз быстрее, если их мозги будут одинаковы по структуре. Нежели два белых, два китайца и два негра. Потому что индивидуальная изменчивость во много раз перекрывает этническую. Вопрос конкретных людей, которые начинают договариваться. Расовые проблемы высосаны из пальца. Индивидуальная изменчивость чёрных, желтых и белых перекрывает расовые различия. Они есть, но в каждом конкретном случае нужно решать — есть ли они? Может быть белый с огромным мозгом, а может быть белый микроцефал, у которого мозги вообще не работают, что мы сейчас часто и видим. Потому что африканцы приезжают в Европу, ничего там не делают и отлично живут. У кого мозгов-то больше? Кто социально оказывается более адаптивным и эффективным, не работая, размножаются? Североафриканцы. Без образования, без культуры, без

всего. И они вытесняют. Юг Франции уже весь. Вот, пожалуйста, примеры. Где тут и чей тут расизм?

Я говорю о другом, что индивидуальная изменчивость мозга является ключевым в понимании этого дела. В любом человеческом контакте надо ориентироваться на это. Потому что подружиться между собой могут люди разных рас и наций, если у них мозги организованы одинаково. Если мозги устроены по-разному, то даже внутри одной этнической группы они никогда не договорятся, что мы видим сплошь и рядом. Конечно, для этого вначале надо убрать простые инстинктивно-гормональные проблемы, размножение, еду и доминантность.

Я как раз рассказываю о механизмах, лежащих в основе расового единства. О том, что индивидуальная разница по мозгам намного важнее любых расовых отличий. Нам может не нравиться человек с таким цветом кожи, но всё равно у него мозги при вскрытии такие же по цвету. Вопрос в том, какими именно мозгами он обладает.

Амиран Сардаров: Но всё равно ведь у многих рас и национальностей нет научных гениев.

Сергей Савельев: Я специально бывал на Амазонке у аборигенов. Вы думаете, там гениев нет? Интересно, если запустить туда нашего «высокодуховного» пузана, то, сколько он там протянет? Он там не выживет. Они там в своих джунглях каждый день изобретают такое, что нам и не снилось. Там не менее сложно. Там нет канализации, мягкой бумажки для задницы, там нет готовой еды. Им приходится заниматься «творческой» деятельностью, прилагая такие же усилия, как какой-нибудь учёный в институте. Мозг работает напряжённым образом, выполняя повседневные задачи. Причём они, зачастую, бывают весьма творческими. И у них там есть отличный критерий: если ты сегодня не подумаешь, как следует, то завтра уже может не наступить. Если наш инженер может расслабиться, дескать «ну ладно, украду, слегка подрихтую и поставлю на свою ракету», то там такого нет. Если не придумал, как добыть еду, то завтра сдохнешь.

Другое дело, что тысячелетия эволюционного отбора, конечно, потребуют создания особой среды для того, чтобы раскрыть эти возможности в привычном нам обществе. Но наше общество для него такое же дикое, как и его для нас.

На этом была построена знаменитая история. О том, что вот у нас культурный отбор, мы люди цивилизованные, а это всё дикари. А когда посмотрели мозги, то выяснилось, что они одинаковые. Тихий вопрос из зала: ребята, что же получается, «культурное развитие» Европы на вас ни черта не сказывается? И все заткнулись. Это было в конце 19-го века.

Как будто в Европе все такие творческие и изобретают ракеты. В основном ведут себя как обезьяны последнего разлива. Причём менее напряжённо думают, чем люди в более диких условиях.

Важное и самое главное, о чём мы говорим — это мозг. Отличается в десятки раз по структурам. А в некоторых случаях, в мозгах есть поля и подполя, которые есть у одного человека, но нет у другого. У нас качественное различие. Мозги у нас различаются так, как будто мы разных видов.

Амиран Сардаров: Почему же там до сих пор дикость, нет науки и цивилизации?

Сергей Савельев: Условия сложные. Не такая сладкая там жизнь была.

Мы не хуже и не лучше — вылезти из этой дыры социальных проблем мы можем, только оценивая человека, что он может, а что нет. Объективных-то критериев нет. Получается, что среда формирует человека. Рассудок очень выгоден, если его подчинить некой религиозной идее. Мозг радостно туда бежит. Потому что он начинает экономить. Расход уже не 25% от всего организма, а 9%.

У тебя есть список правил, с которыми ты живёшь. Бейся лбом и вперёд с песнями. И мозг энергетически тебя поддерживает, чем меньше думаешь, тем больше внутренних наркотиков. Опять получается, что обращаются к самым пещерным принципам обеспечения энергии мозга. И, в результате, возникает религиозный фанатизм, как способ эффективной экономии энергии мозга. Вместо того, чтобы думать, он опять экономит энергию. Опять биологический механизм.

Амиран Сардаров: То есть даже в каком-нибудь кишлаке можно найти гения?

Сергей Савельев: С научной точки зрения никаких проблем нет. Это курам на смех все эти разговоры об одарённости европейцев и неразвитости востока. Это бред сумасшедшего. С точки зрения мозга нет никакого значения, откуда появился человек. Вопрос в том, как устроен его мозг.

Амиран Сардаров: И не загнобил ли он религией?

Сергей Савельев: Не только религией. Просто социальными условиями. Если человек хоть чуть-чуть отличается в том же Иране или во Франции, его давай все долбать. Ему толком не дают поучиться. Родители говорят «пойдешь ботинки починять».

Поэтому, если мы говорим о церебральном сортинге, то есть об оценке прижизненных способностей человека, то эта возможность есть в

любой среде. Мозги каждый раз перемешиваются, поэтому вероятность появления такая же, как в Иране, в Китае, в центральной Африке, да где угодно. Но эти люди не востребовааны.

Амиран Сардаров: Вы же говорили, что в среднем у рас есть разница.

Сергей Савельев: Вопрос статистики. Если мы возьмём тысячу иранцев и тысячу французов, конечно, будет разница, потому что люди изолированно жили очень долго. Посмотрите на себя в зеркало и на какого-нибудь француза. Конечно, отличаетесь. И мозги в среднем отличаются. Но индивидуальная изменчивость всё равно перекроет все эти расовые отличия.

Я предлагаю не какую-то идею стратификации и расслоения человечества, а очень простую вещь, чтобы навести хоть какую-то справедливость и приступить к человеческому отбору. Чтобы не по папочке министру, а по реальным способностям реального человека. Впервые за всю историю! Человечество пока ещё не эволюционировало как люди. Мы эволюционировали как глисты, клопы и тараканы. По обезьяньим принципам, используя наш изощёрённый мозг.

А надо отбирать по человеческим способностям к творчеству, к неким наклонностям, которые будем использовать, чтобы создавать нечто новое, что не было до нас. И тогда, если вы найдёте себе жену с равными мозгами, у которой мозги будут примерно как у вас, то вы с ней хоть ругаться не будете.

Амиран Сардаров: Знаете ли вы кого-нибудь из ныне живущих небабуинов? Если не гениев, то близко к этому.

Сергей Савельев: У нас в той же музыке есть Артемьев, Ванжелис, Сильвестров.

Что касается не выражения эмоций, а пользе человечеству, то это очень сложно. Надо думать на эту тему.

Амиран Сардаров: Насколько вы придаёте значение внешним обстоятельствам? У многих (если не у всех) гениев жизнь была не сладкой. Что вынуждало их к некой борьбе, напряжению мозга и т.д. То есть в трудностях «закаляется сталь». Не получился ли так, что мы отберём гения, посадим его в некие стерильные условия, где у него не будет никакой мотивации напрягать мозг и к чему-то стремиться? Ну а искусственно создать эти «правильные сложности» тоже проблематично, т.к. обычно-то они создаются случайным образом, что приводит к неким непрогнозируемым интересным результатам у конкретных людей.

Сергей Савельев: Кроме того, что вы отобрали гения, вам ещё нужно его заставить работать. Он же умный подлец. Вот, посмотрите — умственный эксперимент. Мы поймали гения. И что, он у нас будет работать? Не надейтесь! Реальные творцы: художники, физики, философы, математики — их уже признали гениями, а дальше они начинают гнать фальшак. Писать всякую фигню, которая также отлично продаётся. Зачем ему затрачиваться, если он уже продал всё, что мог, и дальше он уже продаёт своё имя? Гений, даже если он придумал что-то гениальное, то второй раз заставить его будет очень сложно.

Амиран Сардаров: Это будет школа?

Сергей Савельев: Нет, не школа. Это будет среда. Так примитивно здесь не получится. Гении, они тем и «плохи», что могут придумать нечто такое, о чём ты никогда не догадаешься. Как в лучших американских фильмах, когда гениальный режиссёр снимает фильм с закрученным концом.

Надо с ними будет работать. Пользуясь их биологическими особенностями, создавать среду, в которой бы эта биологическая особенность была заложником, а с другой стороны, заставить работать. Это всё непросто. Даже отобрав гения, нужно его заставить работать, чтобы он тебя тут же не обманул. Когда их отберут, они тут же сожрут тех, кто их отобрал.

Амиран Сардаров: Зачем гениям будут нужны негении? Грубо говоря, гении сделают себе роботов, и никакие таджикские дворники, да и вообще любой обслуживающий персонал им будет не нужен. Вообще, получится так, что массы будут только мешать, как лишние потребители ценных ресурсов. Гении ведь не обязательно будут гуманистами.

Сергей Савельев: Вы поймите, для биологии понятие гуманизма это вообще пустые слова. Вы что, видите вокруг себя гуманизм? Да ужас, вакханалию!

Здесь всё намного хуже. У нас появится инструмент отбора людей по человеческим качествам. Контролировать их не получится. Начнётся не биологическая, а человеческая эволюция. Я очень рассчитываю на то, что как только первую сотню гениев отберут, они начнут использовать своих создателей.

Амиран Сардаров: В том числе вас?

Сергей Савельев: Да, возможно, и меня. Но это будет интересно. Уже будет ясно, тренд будет понятен, и я буду утешен. Они настолько всё изменят, что вообще государства перестанут существовать. Потому что это глупость, вкладывать деньги в оружие и истребление друг друга. Есть масса других способов. Нам сейчас всё это непонятно, потому что для этого нужны другие мозги.

Самое главное, что они сделают — это разрушат систему. Причём это будет возникать неоднократно. Эти гении возникнут в разных местах, их начнут по-тихому отбирать. Уже появляются предложения поучаствовать во всём этом. Для этого нужны небольшие деньги.

А как только церебральный сортинг выйдет из-под контроля, а это произойдёт быстро, люди впервые начнут эволюционировать по человеческим законам, а не по обезьяньим.

Сначала рассудочные особи возникнут в одной стране, другой, пятой, десятой. И когда они доберутся до власти, а они доберутся очень быстро, то будут конфликтовать между собой. Будет нормальная биологическая потасовка. Возникнут несколько точек роста. Китайский гений не будет считать, что французский гений равен ему.

Биологические механизмы всё равно будут работать. Всё равно будут конфликты. Но появится хоть маленькая надежда на то, что возникший инструмент приведёт к тому, что начнётся эволюция по человеческим качествам. Которые мы с таким трудом иногда заставляем себя исполнять.

Пока тренд общий такой, что мозги уменьшаются. Потому что без мозгов жить проще и легче, удобней адаптироваться. И этот процесс нельзя остановить. Мы все выродимся и превратимся в убогих эректусов.

Очень развита имитационная среда. Становится всё удобней и удобней ничего не делать. Поэтому нужно изменить общую тенденцию. Она будет изменяться болезненно, будут конфликты и чёрт знает что, будет непросто. Не то, что кто-то будет обиженным и обойдённым. Просто люди разные, и способности у них разные. Естественно, это уже новый уровень отношений между людьми. Это всё приведёт к положительным результатам, но в отдалённом будущем.

Конечно, если сейчас в ООН договориться, что «всё, мы начинаем заниматься ЦС, всем стоять, молчать, деньги не прятать» — тогда человечество дружно и весело начнёт расселяться по планетам солнечной системы. Если извлечь гениев из семи миллиардов полуобезьян, то они, естественно, решат большинство проблем на этой планете, и позволят нам достигнуть других. И тогда начнётся новообезьянье торжество нашего вида. Мы начнём расселяться по вселенной и загадим всё.

Амиран Сардаров: Какие вы видите глобальные риски у ЦС?

Сергей Савельев: Остановить существующее безобразие — это самое большое преимущество. Все остальные риски ничтожны.

Если мы договоримся между собой, то у нас будет шанс с церебральным сортигом. А если не договоримся, то пройдем через очередные жернова биологических конфликтов, только на новом, более высоком уровне. И естественно, к этому будут подключены совсем другие инструменты.

Вы поймите, вот сейчас добывают топливо. У нас проблема с утилизацией отходов, того, сего. Всё это решается. Но для этого нужно, чтобы это решалось совершенно иначе. Новыми людьми с новыми подходами. Это гуманистическая задача. Но она будет выполнена только в том случае, если мы найдём людей, которые смогут с ней справиться быстро и легко.

Мы не можем заставить человечество вести себя по-человечески. Потому что оно не хочет этого делать. Оно живёт по биологическим законам. Откажемся от биологических законов, отберём гениев, которые придумают, как делать нормально — тогда да. Не отберём — будет продолжаться то, что и последние 150 тысяч лет, в той или иной форме.

Амиран Сардаров: Какое будущее без ЦС?

Сергей Савельев: Не очень хорошее. Если возобладает европейский вариант, то будут такие здоровые крепкие люди с малым мозгом.

Амиран Сардаров: Почему даже умным и богатым это не нравится, это же выход!

Сергей Савельев: В самой мутной воде всегда водится самая толстая рыба. Представьте, что будет так, как в рамках предлагаемого церебрального сортига.

Амиран Сардаров: Может ли вернуться фашизм?

Сергей Савельев: Он и так существует. Попробуйте себя повести как-то не так в США. Тут же придут ребята с револьверами.

Чтобы въехать в Англию к родственникам, надо сдать ДНК и провести генную дактилоскопию, чтобы доказать, что твои родственники там живут. Геббельс об этом даже мечтать не мог.

По-тихому всё уже произошло. А не в оголтелом виде, как раньше. И это всё надо как-то ломать. Тот фашизм, который сегодня существует в Европе и США. Скрытый фашизм, который никогда не покажут, его не увидишь. Та система стратификации, когда тебя загоняют в щель, ты в ней будешь жить и не дёрнешься, это надо прекращать. Это тот чудовищный социальный фашизм, который разрушает и человечество, и молодых людей. Он обрекает человечество на бесконечные

внутренние конфликты. Связанные с непониманием, с недовольством системой. Это так и будет продолжаться.

Амиран Сардаров: В случае церебрального сортинга люди начнут действовать по человеческим признакам?

Сергей Савельев: Нет, конечно, они тут же начнут использовать свои преимущества, чтобы всех обобрать и ободрать. Поскольку таких точек роста будет много, то начнётся конкуренция на новом уровне. Главное, что впервые источником отбора будет индивидуальная рассудочная деятельность, а не способ оплодотворить 150 самок.

Нужен хоть какой-то инструмент отбора. Естественно, всё тут же погрязнет в коррупции и воровстве, будет поножовщина между гениями, все те же обезьяньи приколы сохраняться. Но зато у человечества появится шанс выйти из этого порочного круга биологической эволюции. Будут находиться люди, которые смогут решать те или иные проблемы. Они будут настолько нестандартно отобраны, что мы не можем даже представить их интеллектуальную мощь и способность предсказывать результаты.

А так шанса нет. Только увеличение тушки тела, размеров, здоровый образ жизни, уменьшение мозгов, гиперсоциализация, и мы катимся сначала к эректусам, а потом к австралопитекам. И наступит у нас при 450-граммовом мозге полное райское наслаждение. Да, это мечта биологической эволюции, но пока мы ещё хоть что-то соображаем, может предложить какие-то человеческие варианты? Рассудочные, разумные. Может планеты другие осваивать, и ещё что-то подобное. А не просто размножаться и уничтожать себе подобных, чтобы жратвы хватило. Мы гордо себя называем людьми, а ведём себя как мартышки. Поэтому и надо впустить в себя инструмент, который будет нас сохранять как людей, а может быть даже развивать.

Цивилизация

Амиран Сардаров: Всё популярнее становится негритянская музыка. Золотые цепи, дорогие машины.

Сергей Савельев: Это обращение к самым низменным формам человеческого поведения. Если это находит такую поддержку, то можете оценить масштабы бабуинизации. Доля не человеческого, а обезьяньего внутри самого цивилизованного человеческого сообщества увеличивается вместе с сытостью и «повышением качества жизни». Получается так, что рассудочное поведение носит вынужденный характер.

Амиран Сардаров: Вам не грустно от этого?

Сергей Савельев: Грустно — это когда ничего не происходит. А так у нас интересная страна, каждый день что-то происходит. Ну а справиться с ситуацией можно, хочется посмотреть, как это может меняться.

Но выхода из этой ситуации нет никакого. Чем у нас будет стабильнее государство, чем мы будем более сытно жить, в лучших квартирах, лучших условиях, чем более стабильным будет сообщество, к которому мы все тянемся, тем больше эти проблемы будут усугубляться.

Амиран Сардаров: То есть, революции полезны?

Сергей Савельев: Для того, чтобы человечество эволюционировало — да, полезны любые изменения, в которых перестаёт действовать жёсткий социальный отбор. Чем консервативнее и стабильнее общество, тем жёстче и консервативнее негативный отбор. Тем меньше шансов у гения проявиться. Его задолбят ещё в школе. Любой отличающийся от всех человек вызывает естественные проблемы.

Поэтому, излом истории даёт нам гениев. Потому что они умудряются сформироваться в тот момент, когда сообщество на них не давит. А если супер стабилизированное общество, то получается очень нехорошая картинка. Подрастающая, талантливая и одарённая молодёжь, которая может много, сталкивается с непреодолимостью из денег, связей, бездарных, но высокопоставленных детей, которые займут высокое положение, независимо от их способностей.

Потому что объективных критериев, чтобы оценить, что вот этот человек умный и способный, а вот этот дурак набитый — нет. Поэтому всё имитируется. Обезьяны вообще не столько обучаются, сколько подражают. Поэтому люди могут очень хорошо подражать формам поведения обезьяны, особенно молодые. И вот это подражание не позволяет отличить зёрна от плевел. Отсюда имитация и все эти психологические фокусы — все пещерные прыжки и ужимки, которые ни к чему не приводят.

Амиран Сардаров: Вот вы говорите, что боитесь, что средний мозг уменьшится до размера одного кг...

Сергей Савельев: Я не боюсь. Я буду счастлив. Наконец человечество получит возможность... Изложено в фильме «Мёртвый сезон». Питательный бобовый суп, кто хорошо работает, тут получает самку и все счастливы.

Амиран Сардаров: Вы это приветствуете?

Сергей Савельев: Я не приветствую. Человечество к этому идёт семимильными шагами. Человечество, тыкая пальчиком в айпод, непрерывно ускоряет это движение. Сейчас всё больше и больше появляется имитационных форм поведения, которые позволяют человеку думать, что ему доступна информация, что он связан со всем миром, и свою мысль, тыкая пальчиком, отправляет на хранение в компьютерное облако, находящееся в Америке. Это с удовольствием всё развивается. Потому что это никакого отношения к реальности не имеет.

Человечество интеллектуально будет методично вырождаться, на чём и построена вся эта гаджетовская и электронно-компьютерная система, имитирующая жизнь. По сути дела, идёт такая непрерывная имитация, чтобы человек не выступал и не возмущался сегодняшним положением, которое чудовищное! Уровень несвободы в той же Америке несовместим с тем, что было хотя бы в 40-х годах.

Амиран Сардаров: Могут ли люди поменять религиозные костыли на здравый смысл?

Сергей Савельев: Нет! Конечно, если прихожане перестанут размножаться, то кто будет в казну сдавать. Естественно, приходится им как-то разрешать размножаться через браки, призывать работать. Хотя, в большинстве религий, происходящих с Ближнего Востока, работа является наказанием.

Вообще говоря, всё это придумал известный авантюрист и большой учёный Заратустра, который и предложил идею монотеизма, заповедей, которые выполнить нельзя. Таким образом, появляется социальное чувство вины, за счёт которого можно управлять человечеством.

Амиран Сардаров: А можно человечество отучить верить?

Сергей Савельев: Нет. Любые религии обращаются к инстинктивно-гормональным формам поведения. И что вы можете этому противопоставить?

Амиран Сардаров: Так они же вроде наоборот подавляют, запрещают!

Сергей Савельев: Нет-нет-нет. Они обращаются к древнейшим центрам мозга, к инстинктам. Вот вы приходите в автосалон. Продаётся убогая китайская поделка, разваливается на ходу. Но рядом стоит девица с ногами от ушей, наём которой на один день стоит дороже машины. И все на неё пялятся, от этого вырабатываются гормоны из гипоталамуса и воздействуют на организм. И они её рассматривают как источник размножения. Наиболее удачный репродуктивный успех, который даст таких же обалденных потомков. Покупатели смотрят на девицу и в автоматическом режиме запоминают китайскую каталку. Результат таков, что при выборе между китайской и французской машинкой, они выбирают чуть подешевле — китайскую.

То же самое и с религиями. Вы всё равно ведётесь на инстинктивные древние механизмы, обложенные в те или иные слова (неважно какие, и какая религия). И принимаете решение, потому что обращаются к вашим пещерным, самым древним (когда у вас ещё хвост волокся по земле) желаниям.

Амиран Сардаров: Но ведь то, что вы говорите, это доходит до какой-то части людей, хоть и небольшой.

Сергей Савельев: Это доходит до тех, у кого есть приёмник. У вас приёмник FM, и с ним вы никак не послушаете AM. Вы может сгрызть ручки и перенажимать все кнопки, но если у вас нет длинных волн, то вы ничего не услышите. Также и тут: объяснить можно только тем, у кого мозг предрасположен к тому, чтобы эту информацию воспринять.

Я в книге «Изменчивость и гениальность» сделал такой пассаж — это было замечено задолго до меня — что художника настоящего (не сделанного за счёт пиара чёрных квадратов) может понять только тот, у кого мозг также организован. Они там называли это психикой, душой. У которого есть совпадение в восприятии мира. Иначе не поймёт. Нужен субстрат. Не только передатчик должен быть хороший, но и приёмник надо иметь. И вот тут мы выступаем к той изменчивости мозга, которая непреодолима. Если нет какой-то структуры в мозге, или она очень маленькая, то, что вы можете сделать? Вы не можете на велосипед поставить мотор от мерседеса. 4 горшка в двигателе или 12. Ну не поедут они одинаково. Преодолеть это нельзя. Ни воспитанием, ни образованием, ничем.

Когда идёт забег в армии, то фиксируется время пробега роты по последнему солдату. Которого уже несут. Потому что десятикилометровый бросок с полной выправкой не может выдержать среднестатистический молодой человек. Поэтому его приходится нести. Так и тут. Любая система вынуждена опускать уровень требований. Интеллектуальных, социальных, моральных, на самый низ. По тому последнему, которого притащат.

Амиран Сардаров: Почему люди при любом удобном случае готовы спихнуть ответственность за свою жизнь на кого-то? Хотят найти эдакого папу, который будет им вытирать сопли и давать плакаться в жилетку. Что это, экономия энергии, чтобы мозг не работал?

Сергей Савельев: Перенос ответственности. А глубинный мотив, конечно — экономия энергии. Если примат может решить что-то за чужой счёт, то он обязательно так и сделает. На этом принципе построены религии, когда мы делегируем свою индивидуальность в набор правил. На этом же построено государство, когда мы делегируем свою свободу, которой делимся в обмен на колбасу и гарантии. Конечно, это в первую очередь экономия энергии мозга.

Амиран Сардаров: Что мешает человечеству внезапно сдохнуть от своей же глупости? От ядерного оружия, или биологического.

Сергей Савельев: При их применении передохнут все, и перенос генома в следующее поколение будет невозможен. Раз невозможен, то биологический смысл этого всего утрачивается. Делается всё, чтобы этого не произошло. В запуске ядерной ракеты участвует много народу. Чем их больше, тем выше вероятность того, что среди них найдётся тот, кто ещё не размножился, и не захочет его применять. Всё это нужно лишь для того, чтобы поугубить противника. То, что сейчас происходит в Африке и на Ближнем Востоке, это просто очередной бизнес.

Амиран Сардаров: Что делать с биологической точки зрения с северным Кавказом? Они же сюда приезжают и вообще не понимают, как тут себя вести.

Сергей Савельев: Это всё можно решить и без пещерных способов воспитания. Поскольку проблема носит биологический характер, её и надо решать бескомпромиссно — биологически. И всё успокоится за 2-3 года. Эти проблемы разрешимы, если во главу угла ставить не иллюзии, а естественные законы человеческих отношений.

Амиран Сардаров: Что можете сказать радикалам, которые хотят революций, изолировать тот же северный Кавказ?

Сергей Савельев: Не надо никого изолировать. Нужно создавать инструменты, которые бы действовали в рамках биологической доктрины. Мы уже говорили, что человек живёт по биологическим законам, и прячет их социально. Так найдите в себе достаточно сил, порядочности и самокритичности, чтобы использовать те законы, что лежат в основе поведения человека. Можно на заказ сделать такую исследовательскую работу, чтобы предложить решение этих проблем. Для этого надо много работать. Мне, лично, не очень хочется. Но вопрос мотивации и затрат, потому что это большая серьёзная работа. Можно решить? Можно. Но не вижу заинтересованности.

Амиран Сардаров: Что вас тяготит? У людей есть костыли, и они на основании этого хоть как-то живут. А вы понимаете, что всё это ерунда, и смотрите на них, как на подопытных крыс.

Сергей Савельев: Крыс я тоже люблю, особенно голых. Меня, конечно, уже очень трудно чем-либо удивить. Но всегда есть желание не только наблюдать, но и улучшить это всё. Если уж нам повезло родиться, то надо хоть что-то сделать, чтобы попытаться эту ситуацию как-то улучшить. У меня есть надежда, что, позарившись на эффективность и доступность метода, кто-то начнёт церебральный сортинг. И мне удастся посмотреть, хотя бы из партера. Это уже без меня может быть сделано. Я всё сказал. Этого достаточно для того, чтобы сделать. Если привлекут к реальной работе, то мне, конечно, будет приятно.

Мне есть, что ещё рассказать человечеству, чтобы ему проще жилось. Пишу пару книг. Может быть, это окажется не востребуемым при моей жизни. Но это сказать нужно, потому что это мало кто понимает. Хотелось бы сказать о том, как эволюционировало человечество, почему у нас такие принципы организации, а не другие. Почему такие политические строи. Они же только отражение искусственного отбора мозга. На самом деле, эволюция человечества, смена социальных формаций (рабовладение, капитализм, социализм) — это лишь отражает только процесс изменения правил отбора мозга. Я сейчас пишу об этом книгу. Каков был механизм. Для того, чтобы попытаться понять общую сегодняшнюю тенденцию, к чему это всё приведёт. Приведёт в том смысле, какая смена происходит сейчас.

Амиран Сардаров: Вы говорили, что в Европе люди отбирались по неким специфическим особенностям, которые благоприятствовали для капитализма и научно-технического прогресса. А по каким особенностям отбирались в России и для чего они благоприятствуют?

Сергей Савельев: В России отбор был меньше, потому что много этнических групп. Понятие «русский» очень широкое, туда входит большое количество не до конца перемешанных этносов и даже рас. Это гигантский конгломерат людей, не только славяне, но и угрофинны, тюрки.

Отбор здесь шёл менее жёстко по одной простой причине: огромная территория, где всем хватает места. Если не бороться за одну и ту же нефтяную скважину, не висеть на ней всем скопом, а равномерно распределяться по всей территории страны, то всем хватит места на всё. Поэтому, такой вещи как зависимость от пищи и невозможность миграции — в России не было. Европе столетиями, если не тысячелетиями была низкая миграция, только торговля, огромная зависимость от пищевых ресурсов, которые были всегда в недостатке.

Европа начала нормально питаться только в XX-м веке. А так это всегда была голодная территория, где огромное количество населения

вынуждено было каждый раз изобретать новые способы добывания пищи. У них из-за плотности населения имеется высочайшая биологическая конкуренция просто за еду. Её было не только мало, но она и отличалась. В России было много белка в пище, а в Европе в основном растениеводческая пища. Естественно, при недостатке еды и большой скученности народа, быстро начинается специфический отбор. Вон в той же Италии сейчас 80млн. населения, скоро Колизей загорится от трения плечей. Там население в десять раз превысило ресурсы страны. При такой жёсткости имеется очень интенсивный отбор, причём за еду.

В России таких проблем не было. Во-первых, метисация шла медленная, потому что большая территория. Во-вторых, при желании найти и добыть пищу, всегда было достаточно свободных территорий, где можно было спокойно решать свои пищевые проблемы. Отсюда отбор шёл совершенно по другим принципам. Если в Европе при большой скученности отбирались нужные люди методом конкуренции (истреблением друг друга), то в России нужных находили и выдёргивали, а это совсем другая система. Нужных было всегда мало, поэтому их приходилось экспортировать ещё с Петровских времён. Англичан, норвежцев, немцев, кого угодно. Система отбора была такая, что приходилось выискивать, вылавливать чуть ли не силком, способных, отправлять их учиться, из них 30% действительно были толковыми, и уже потом на них строить страну.

А в Европе при большой плотности населения и большой нужде в еде, такой отбор был быстрым и способных отбирали быстро. Инструменты вроде университетов отбирались хорошо. Голодная тяжёлая европейская жизнь в супер конкурентной среде вызывала такой эффект. Это то же самое, что если 50 крыс посадить в железный ящик, то они начнут друг друга есть. Останется одна, самая сильная и ловкая. Это и происходило в Европе.

В России был другой принцип. Огромная территория, многонациональная страна, поэтому сохранялся огромный полиморфизм, то есть изменчивость мозга. И из этой изменчивости достаточно случайным образом выдёргивали с разной вероятностью как способных и активных людей, так и полных жуликов.

Амиран Сардаров: А климат как-то сказывался? Может холод заставлял шевелиться?

Сергей Савельев: Конечно, чем тяжелее климат, тем больше персональная нагрузка. Триста лет назад практически каждый за себя решал, как он переживёт зиму.

Историю всего этого отбора обычно не учитывают. Сложные условия вынуждают работать мозгами. Но слишком сложные условия ставят

человека в такое положение, когда уже некогда работать мозгами. Как, например, в Якутии.

Амиран Сардаров: Поэтому европейцы считаются умнее всех остальных?

Сергей Савельев: Долгий и жёсткий эволюционный отбор, построенный на буквальном истреблении. Причём сообразительных отбирали не только сами внутри себя. Эпидемии чумы, холеры, когда умирало по 60-70% населения стране, а сообразительные не умирали.

Амиран Сардаров: В Африке было не так, потому что климат хороший?

Сергей Савельев: Да, и территория большая. А Европа это ящик с крысами, в котором всегда был жёсткий бескомпромиссный отбор, который продолжается до сих пор. Поскольку туда прибывает население, в надежде, что там лучше будут жить.

Амиран Сардаров: Как получилось, что при наличии отрицательного искусственного отбора, большая часть рывков в науке и технике произошла в XX-м веке? Ведь к этому времени, согласно вашей теории, люди должны были стать настолько тупыми, что вообще ничего не смогли бы сделать.

Сергей Савельев: В начале XX-го века в той же Италии мальчики ходили в онучах. Ноги были завязаны тряпками и верёвками, как у человека, которого нашли в Пиренеях и которому бтыс. лет. Так вот сто лет назад в Европе ходили также. И это в городах, а в деревнях босиком.

Если же говорить о прогрессе, то в начале XX-го века пробиться в Европе было также сложно, как и сейчас. Конкуренция была очень мощная. Как сейчас дети без церебрального сортинга не смогут никогда занять высокого положения, потому что у них нет денег. Если у них нет богатых родителей со связями, то они в жизни не поднимутся в своей профессии нигде. Потому что чем более структурированное общество, неважно какого происхождения, тем меньше шансов на реализацию индивидуальных способностей.

А общество в начале XX-го века было менее структурированное, ещё не было единой Европы, но всё равно прогресса особо не наблюдалось. Он появился только из-за излома эпох, который сделали две мировые войны.

Представьте, консервативная Европа подходит к Первой мировой войне с её клоунами в виде императоров, царских семей и скопища придурков, которые паразитировали на своих народах. Вдруг кончается весь этот цирк попугаев, катающийся на каретах. В результате вой-

ны, бойни и чудовищной мясорубки становятся востребованными людьми, разбирающиеся в экономике и науке. То есть то, что нужно иметь индивидуально. Не потому что тебя папа с мамой изготовили в царских покоех, а потому что есть некие требования от тебя самого. Не наследственные деньги, а ты их должен зарабатывать.

И всё сразу встало на свои места. Какие выбросы в физике и математике дала Первая мировая война! По сути, вся релятивистская физика была тогда создана. Именно из-за того, что перестали работать все старинные механизмы наследования денег и привилегий, а люди стали отбираться по способностям, поэтому начал наблюдаться такой гигантский всплеск. Вот это и дало тот самый семимильный прогресс, гигантский скачѐк в технике и технологиях, на котором мы до сих пор паразитируем. А после Второй мировой войны ещё больший скачѐк.

Излом времѐн, катаклизмы, когда ломается биологический отбор, отработанный тысячелетиями, абсолютно бесцельный, потому что целью являлось размножение — вот тогда есть шанс у талантливых способных людей пробиться и быть замеченными, чтобы они могли реализовать свои способности. Поэтому и считалось в XIX-м веке, что «войны — это двигатели прогресса». На самом деле это конечно ужасные явления, но они снижают биологическую конкуренцию между людьми. На передний план выходят совсем другие ценности, нежели в стабильные времена. Например, США со своим стабильным обществом приходится скупать талантливых людей по всему миру. Будет излом времѐн — будет по-другому.

Амиран Сардаров: Вы неоднократно говорили, что отрицательно относитесь к коммунистам. Но ведь коммунисты «били бабуинов палкой по голове», заставляли работать, жить неокортексом, а не лимбической системой. Отсюда прорывы в науке, космос, ядерная бомба и т.д. Да, были явные глупости, как сама идея построения коммунизма, но и результат-то был.

Сергей Савельев: На самом деле у коммунистов всё было довольно неплохо. С точки зрения биологической эволюции они молодцы в том, что размазали колбасу равномерным слоем. И результаты были. Они правильно начали в 20-е и 30-е годы.

Если бы они ввели инструмент церебрального сортинга, то тогда получилась бы сама идея коммунизма. Что такое коммунизм? Это биологическая организация общества на основании рассудочной деятельности. Но рассудочная деятельность и конкуренция между бабуинами исключают друг друга.

Первоначальная Марксовская идея коммунизма стояла на идеях французского физиолога Флоранса, который говорил, что «мозги у всех одинаковые, и всё зависит только от воспитания». И вот эта порочная идея пришла в голову ещё французским утопистам. Они сказали,

что «отлично, давайте мы положим пару поколений на то, чтобы третье уже выросло в идеальных условиях, и тогда мы создадим идеальное общество». Маркс это всё слизал и сделал идеологию коммунизма, что ценой нескольких поколений мы вырастим идеальных людей.

Но люди-то разные по мозгам! Флоранс ошибался, а Франс Иосиф Галь и Поль Брака были правы. Но непреложным было мнение академика, дебильного как и во все времена и у всех народов, которые самоуверенно заявляют то, в чём плохо разбираются, что мы сейчас видим у себя в стране. И вот он убедил французских утопистов, а потом и Маркса с Энгельсом, что мозги у всех одинаковые. Ну не было критериев поймать эту разницу! И на этом потом построили идею социализма — поскольку мозги одинаковые, то одинаковые условия приведут к одинаковому мировоззрению.

Но потом оказалось, что мозги-то разные. И если бы коммунисты создали машинку церебрального сортирования, то есть рентгеновский томограф высокого разрешения (это можно было сделать ещё тогда), направив всю экономику страны на это, то они бы сделали самое главное: отобрали бы одинаковых и действительно построили бы коммунизм. У них же не было инструмента отбора одинаковых, они их пытались отбирать в биологической среде по биологическим законам, а они не работали. Потому что биологические законы противоречат рассудочной деятельности человека.

Амиран Сардаров: В том виде, в каком был коммунизм, система соблазнов его в любом случае бы развалила? И в любом случае пришли бы к капитализму?

Сергей Савельев: Да, к капитализму, как к эволюционному продолжению борьбы за существование и искусственного отбора.

Что такое капитализм? Это эволюционный инструмент подбора людей с определённым типом мозга, и больше ничего.

Приведу пример. Во времена европейского феодализма все были подчинены этому феодалу, было почти рабство. Какой был переход к капитализму? Внутри этого феодального общества начался отбор, появлялись мыслители, учёные, возникали скрытые социальные процессы, мелкая торговля, накопление капитала. И в этом феодальном обществе появилось огромное количество людей, которые думали о том, что надо жить не так. Для того, чтобы так думать, надо иметь определённым образом устроенные мозги. И всё это происходило внутри феодального общества как инструмент эволюции.

Проходил долгий методичный отбор общества по несвойственным для феодализма параметрам. Когда этих «антифеодальных» мозгов создавалось достаточно много, то произошла смена формации. Но это не смена экономических отношений. Это смена людей, у которых мозги отобра-

ны внутри этого предыдущего сообщества так, что этих людей то устройство общества не устраивает, и они это понимают. То же самое происходит и сейчас, как это происходило всегда при смене всех формаций.

Эволюция человеческого мозга происходила не простым способом «ты отнял у меня еду и убил» и прочее — это самый сложный огромный социальный процесс. И все иерархии исторических этапов, которые мы знаем и учим в школе — это на самом деле отражение на разных этапах эволюции разных инструментов отбора мозга с заданными свойствами. И больше ничего. Каждое общество в себе постепенно накапливает людей, у которых мозги отличаются от тех, кто создал это общество, хотя всегда есть отщепенцы вроде Сократа. Но когда этих отличающихся накапливается большое количество, то тогда начинаются изменения.

То же самое с капитализмом. Накопили количество людей, которые начинают играть роль, они просачиваются там и сям, и в какой-то момент делают микродвижение исходя из новых особенностей и желаний, которые возникают внутри их мозга. Они же не могут объяснить, что это за желания, если нет прямой выгоды «купил за рубль, продал за два». Поэтому говорят, что «мне так хочется». А это не «хочется» — это продукт результатов предыдущей эволюции мозга и его отбора. И когда накапливается, то меняется то, что называют «формацией».

Меняется инструмент отбора мозга, и в этом вся проблема. Потому что инструмент отбора мозга в разных группах, странах, расах — разный. Поэтому мы не можем их всех взять и собрать в Европе, чтобы они выдали одинаковые результаты. Все прошли разные пути эволюционного отбора. Не получится их заставить действовать по общим принципам, они не будут воспринимать как норму, для них это будет патологией. И это нормально, потому что у всех был разный эволюционный путь. Если собрать даже всех европейцев, вообще всех, кто живёт в Европе, неважно каких этносов, и сказать, что «мы с сегодняшнего дня начинаем всех жёстко отбирать», то всё равно ничего не получится, потому что они все прошли разный путь — если одни десять поколений, то другие два.

Потому должен быть сортинг не по биологическим принципам, а по индивидуальным. Если этого не произойдёт, то случится катастрофа. В итоге что-то хорошее если и будет, то через долгое время и с большой кровью. Церебральный сортинг тоже с кровью, но с меньшей и короче.

Амиран Сардаров: А что будет сейчас, если без сортинга?

Сергей Савельев: Сейчас может быть что угодно, но длиться долго не будет. Потому что опять человечество вернулось к тому, что было до экспериментов с социализмом. А социализм — это, ещё раз повторю,

инструмент отбора одинаковых людей, который они не сделали. Если бы сделали, это была бы вечная конструкция. Но не получилось, поэтому все вернулись на биологический уровень эволюции, то есть капитализм. Капитализм — это биологический уровень эволюции в чистом виде, когда никакие рассудочные ценности не представляются значимыми, если нет возможности для еды и размножения.

Сейчас, вернувшись к архаичным системам биологического отбора и конкуренции, то есть капитализму, человечество будет экспериментировать. Опять будет поиск биологического механизма. Всё равно в основе-то биология. У американцев, европейцев, самых диких африканских племён всё равно биологические мотивы.

Амиран Сардаров: К чему приведёт огораживание друг от друга колючей проволокой?

Сергей Савельев: Ни к чему. Бесплезны механические системы изоляции при наличии воздушного транспорта и сообразительных людей с гранатомётами.

Или же вначале нужно сделать зачистку внутри страны, потому что связи всё равно останутся и будут работать. Это нелепость. Ну, вон те же израильтяне построили, и что. Если с одной и с другой стороны устроить «Северную Корею», то тогда, наверное, подействует.

Механические системы защиты от биологических процессов не работают. Посмотрите на асфальт. Закатывают асфальтом растения, а они всё равно прорастают. Проходит несколько лет, и они уже появляются. Борьба с биологическими процессами, не понимая их сути, приводит вот к такому асфальтовому закатыванию друг друга. Это бесполезно.

Амиран Сардаров: Сколько народу сможет прокормить планета? Уже сейчас голод наблюдается в большинстве регионов. Вон, на Ближнем Востоке воды всё больше и больше не хватает, скважины пустеют, при этом население растёт.

Сергей Савельев: Хватит ещё довольно надолго. Есть гигантские неосвоенные территории, просто надо шевелиться. Сейчас ресурсов ещё довольно много. Пока это скорее вымышленная проблема, пугалка. Простая интенсификация производства на территории Московской области может прокормить всю Россию. То же самое во многих странах. Если сеять пшеницу как в Швейцарии, под дома, то её девать будет некуда. Да её уже девать некуда.

Другое дело, что народы голодают не от того, что негде взять пищу и её не хватает. А потому что руководство стран в основном питается устрицами и чёрной икрой, поэтому их не интересует, что у тех, кто внизу, им не хватает на хлеб. Это основная проблема.

Наука

Амиран Сардаров: Для вас научное знание является неким фундаментальным критерием истины? Или есть ещё что-то, что наука не может понять, описать, спрогнозировать и управлять этим?

Сергей Савельев: А больше нечему быть критерием. Альтернативой может являться вера. Но в моём лексиконе слова «вера» нет. В науке вообще нет этого понятия.

Вера — это биологический инструмент. Верить можно во что угодно, причём неважно во что: христианство, ислам, иудаизм, молекулярная генетика, геном человека, стволовые клетки, клонирование овец — это всё вера. В том числе можно верить в научно-технический прогресс. В данном случае ты уже становишься служителем культа, а не учёным и инженером.

Полмира верит в молекулярную генетику. Всю жизнь на это кладут — вера так велика, что жизни не жалко. Вера может быть разной формы, в том числе самая оголтелая. Можно искренне верить, что «на белке, который вырабатывают нейроны мозга, записываются мысли», и такие люди есть. И человек положит всю жизнь, чтобы это доказывать. Или верить в живую или мёртвую воду.

Наш мозг устроен так, чтобы подменять свою работу неким набором алгоритмов, которыми является вера: «Я верю в то, что с помощью митохондриальной ДНК можно изучать происхождение человека! Я верю, что все мутации в митохондриальной ДНК уникальны и никогда больше в эволюции не повторяются! Я верю, что сравнивая друг с другом уникальные и никогда не повторяющиеся мутации, я могу вычислить насколько одна популяция отошла от другой, и я верю, что таким образом я измеряю молекулярные часы эволюции!». Молекулярный биолог это произносит как молитву. А дальше происходит то, что повторные мутации возникают регулярно, и что вся эта его гипотеза полная чушь. Но если он верит, то его объективность будет нулевая.

Амиран Сардаров: Но ведь молекулярный биолог, в отличие от исламиста, опирается на некие измеряемые результаты?

Сергей Савельев: На придуманные постулаты. Исламист тоже опирается на Магомета. А здесь также: есть набор генов, и надо верить, что они каждый раз мутируют уникальным способом. То же самое, ничем не отличается от исламиста. Причём по оголтелости вот эти люди, которые верят в стволовые клетки, они намного превосходят любой исламский терроризм.

Возьмите программу «геном человека», которую закрыл ещё Буш старший. Где лекарства? Где результаты, которые обещали? В конце концов, где те 40млрд. долларов, которые вкладывались 30 лет назад?

Вот вам, пожалуйста, вера. Они верили в то, что гены кодируют форму уха. Да, они связаны, но формы ушка не кодируют.

Когда в науку вмешивается механизм, построенный на вере во что-то, то это в лучшем случае превращается в профанацию и обман, а в худшем — в мясорубку, которая уничтожает жизнь тех простаков, которые умудряются поверить также искренне, как в любую религию.

Амиран Сардаров: Как отличить научного фрика и шарлатана от прорывного гения?

Сергей Савельев: А зачем, если человечеству не нужны гении. Это же никакого отношения не имеет к добыванию еды, размножению и доминантности. Для человечества всё равно.

Так что в этом смысле что-то сделать можно только церебральным сортином, чтобы отбирать людей именно по человеческим качествам, а не биологическим, как сейчас. Биологические процессы нельзя распускать, это приводит к ужасным последствиям, никакого отношения не имеющим ни к разуму, ни к гуманизму.

Амиран Сардаров: Обычному человеку можно как-то отличить полезную информацию от какой-то красиво упакованной пурги? А то обычно строят бутерброд из какой-то пурги.

Сергей Савельев: Никак не получится. Должно быть минимальное здравомыслие. А вообще, если учёный не может объяснить девятикласснику, чем он занимается, то он или жулик или дурак. Нет в науке никаких таких секретов и тайн, чтобы человек, проучившийся в школе, не смог разобраться за пять часов объяснений, о чём там вообще идёт речь. Нет там таких проблем. Есть умозрительные рассуждения, как про «бозон Хиггса», который открыли с математической вероятностью 50%. Когда им хочется как-то оправдать деньги на коллайдер, то сгодится и «бозон Хиггса».

Амиран Сардаров: Что можете сказать про гипноз? Как работают все эти фокусы, когда человека кладут на спинки стула ногами и затылком, а сверху садятся, и он держит.

Сергей Савельев: Глубокому гипнозу поддаются 2% населения, это факт. Человек готов к самовнушению и ему помогают. Это на самом деле не норма, а отклонение в психике. Можете набрать пубертатных подростков, климактерических дамочек, то есть внушаемых, которые будут реагировать. Есть знаменитые операции Кашпировского, когда он по телевизору усыплял свою помощницу. Так она от щелчка его пальцев падала в обморок. Я бывал на массовых представлениях такого рода. Пара застрельщиков, в ряду стоящих зрителей, начинала колебаться под «гипнозом», а остальная масса стояла спиной к

занавеске, через которую их качали руками, и вот в этом весь «гипноз».

Гипноз у нас начал разводить Бехтерев. А до него гипнотизёры приезжали, их закидывали мочёными яблоками и со свистом выгоняли. Потому что они загипнотизировать никого во век не могли. Обычно выходили нежные дамочки-курсистки и врачи, и предлагали зарубежному гипнотизёру их загипнотизировать. Но поскольку это не получалось, то их и закидывали. Отличная традиция, надо продолжать.

Сам Кашпировский в своё время давал Невзорову интервью, которое тот снимал скрытой камерой, где сказал, что «ты что, Саша, серьёзно веришь во всё это?». Это уже мракобесие похуже традиционных религий, там же беспредельщики.

Амиран Сардаров: Почему именно у приматов вырос такой большой неокортекс, и они стали людьми? Почему этого не произошло с какими-то более приличными животными, теми же кошачьими?

Сергей Савельев: Кошки — гиперспециализированные хищники, и как раз эволюция показала, что они никуда не годны. Их было очень много, а потом они почти все вымерли в процессе эволюции. Гиперспециализация — это смерть в эволюции.

А у нас неокортекс вырос по той причине, что на нас полтора десятка миллионов лет эволюция не действовала вообще. Наши предки стали двуногими на берегах каких-то заливов в восточной Африке, где они оказались в идеальных условиях. Вокруг тропическая растительность, в воде размножались позвоночные и беспозвоночные. Рядом жили птички, которые несли яйца и наши предки питались ими почти круглый год.

Ну и вот нашим растленным и развратным предкам не надо было ничего иметь. Они залезали в воду на двух ногах (поэтому и встали) и питались икрой. Как это сейчас происходит в Норвегии во время нереста селёдки: медведь заходит по пояс и лапами загребаёт эти гигантские поля икры. Также было и тогда, но у медведя это эпизодически, а там было постоянно. Плюс собирали яйца и ели фрукты с деревьев. В результате уже 4,5 млн. лет назад у австралопитеков зубы стали почти как у нас, челюстная дуга слегка другой формы. А зубы, также как у нас, с кариесом. Никаких клыков у него не было, чем он питался? Вокруг него бегали два повара, китаец и француз и предлагали ему жульены? Маловероятно, миллионы лет назад такой глупости не было. Так что же он ел такими зубами как у нас, да ещё и с кариесом? Ими можно питаться только мягкой, нежной и высококалорийной пищей.

И вот за полтора десятка миллионов лет они допрыгались до такого состояния, что отбор почти не действовал. Они только размножались и

хорошо питались. Тогда и завелась социальная структура, а освобождённый от биологических забот неокортекс стал использоваться для регуляции сложных половых отношений. К нашему несчастью эта вся лафа кончилась. И вот сейчас всё человечество во всех народах, независимо ни от каких религий говорит, что «есть рай». Рай — это как раз вот то время, когда пятнадцать миллионов лет только жрали, размножались и выясняли отношения. Тут и речь возникла, чтобы баб обманывать. И бипедальность (двуногость) и манипуляция рук. Икорочку-то надо нащупать, а яйца собрать и донести. А отбор не действовал, потому и не осталось никаких приспособительных признаков, кроме мозга и висящего снаружи мужского достоинства (признак приматов).

Ну а когда вся эта лафа кончилось около четырёх с половиной миллионов лет назад, произошло «изгнание из рая», то 99% наших растленных предков просто издохло. Потому что после такой жизни, что им теперь, корешки какие-то ковырять. Это только в бреду антропологов могло быть. Какие корешки с такими зубами! Ты их потёр неделю, и зубов у тебя нет. Надо хоть немного отдавать себе отчёт в том, как устроен человек.

Те немногие, кто выжил, начали адаптироваться. При отсутствии других органов они стали использовать свой мозг для добывания пищи. Это и было толчком эволюции человека, когда лафа и рай закончились. И у всего человечества сейчас в памяти находится то, что этот период когда-то был. Мечтают о том, чтобы опять к этому вернуться. Пусть хвост подлиннее, зато еды и девок побольше. В религии эту загробную перспективу предлагают в качестве суперприза. А именно: мозг не более 450 грамм, хвост подлиннее, зато праздность, полно еды и гурий — это и есть рай.

Амиран Сардаров: Всё же почему в том раю, в каком люди стали людьми за полтора десятка миллионов лет, такими же «людьми» не стали какие-то другие животные? Почему эти условия подействовали только на приматов, что у них вырос неокортекс?

Сергей Савельев: Они оказались в этих условиях с уже достаточно большим мозгом — 300граммовом. По сути дела, мозг был избыточен в той райской среде, и долго существовал как инструмент для решения социальных, а не биологических процессов. В данном случае проблему решили условия, а не какая-то человеческая исключительность.

Многие динозавры также встали на две ноги, многие из них были двуногие, но никто из них в разумное существо не превратился. Потому что не было предварительной причины развития мозга. У приматов мозг сформировался как у всех млекопитающих, сначала в норах и на земле, а потом ещё формировался на деревьях. Приматы это дважды древесные животные. То есть млекопитающие сформировались в лесу в кронах деревьев, потом расползлись, спустились на

землю и стали жить в том числе, как и архаичные млекопитающие в норах. А потом вторично залезли на деревья и уже как приматы эволюционировали там. И вот потом опять спустились с деревьев и оказались в райском периоде.

Амиран Сардаров: У животных тоже есть негативный искусственный отбор?

Сергей Савельев: В больших популяциях наверняка есть. Это надо исследовать. Популяция должна быть долгой и стабильной. Такие популяции есть. Всевозможные голые землекопы, которые живут в почве. Вот такие колониальные млекопитающие, их специализированная эволюция прошла весьма быстро, они гиперспециализированные. Нет шерсти и прочее, прочее. Именно потому что внутри у них был жёсткий групповой отбор, они отбирали сами себя. Такая машинка, как будто селекционер залез под землю и давай их мухобойкой шлёпать всех, кто непригоден. Все специализированные млекопитающие, по-видимому, и прошли такой же, как человечество, путь. Неперспективно. Кто видел голого землекопа, знает, что зрелище отвратительное. Мне не хочется в будущем выглядеть таким образом.

Амиран Сардаров: Негативный искусственный отбор у всего человечества одинаковый, или у разных народностей проявляется с разной интенсивностью? У оголтелых исламистов он сильнее?

Сергей Савельев: Одинаковый примерно. Просто в молодых агрессивных религиях он быстрее приводит к летальному результату. Сразу под нож, чуть что не так. При этом размножаются активно. Ресурсы для отбора должны быть. Нужно разводить много голубей, уничтожать 99%, чтобы 1% наследовал те свойства, которые вам нужны. Чем интенсивнее идёт отбор, тем больше нужно население.

Амиран Сардаров: Почему люди склонны к садизму, издевательствам над себе подобными, причём в изощренной форме?

Сергей Савельев: Осознанная конкуренция. Люди же осознают, что они друг другу конкуренты. Почему дети играют в такие игры, виртуально друг в друга стреляют и рубят. Они делают это неосознанно, но это им нравится. Потому что они уничтожают себе подобных, увеличивая свою ресурсную базу. Чистая биология, причём обращаются к самым диким биологическим принципам. У взрослых то же самое. Известно, что самые лучшие вояки это те, у кого нет опыта, но много иллюзий. Они будут бороться за жизненное пространство, как и любые обезьяны.

Амиран Сардаров: Вы говорили, что по объёму головы можно замерить массу мозга? Как это сделать в домашних условиях?

Сергей Савельев: Если хорошо знать антропологию, то можно. Есть формулы, когда меряется периметр черепа, они есть в антропологических книгах, даже я что-то рассматриваю в книге «Возникновение мозга человека». Привожу формулы и рассматриваю более или менее достоверные и не достоверные. Но сейчас в этом нет необходимости. Можно сходить в любой институт, сделать послойную томографию, а потом просто измерить. Даже они могут сказать объём, это делается в автоматическом режиме. Эти данные будут что-то значить только в том случае, что если у вас мозг выше среднего, то у вас в четыре раза больше вероятности обладать каким-то талантом. Но чтобы найти этот конкретный талант, уже нужен томограф высокого разрешения.

Амиран Сардаров: Что можете сказать о генетических тестах, всех этих галлогруппах, когда определяют происхождение? Сейчас даже начали историю переписывать на основании этих тестов. Не разводка для лохов?

Сергей Савельев: Разводка. Генетический подход это вообще разводка для лохов. Генетики до сих пор не ответили на принципиальный вопрос «как последовательность аминокислот и скорость срабатывания генов, скорость пролиферации, влияет на форму?». Гигантское расстояние между синтезом белков и формированием формы и пространства. Если бы мы управляли пространственной формой, то могли бы создавать новые организмы и всё что угодно. А так пока даже Хайфлика не преодолели. Пройти расстояние между генной экспрессией и формообразованием очень сложно, они всё время выдают патологические изменения и мутации на форму. Всё это чушь собачья, потому что это генетические дефекты, которые нарушают форму. Для начала пусть генетики разберутся, как в раннем эмбриональном развитии каждая из 500 тыс. клеток идёт своим путём с одинаковым набором работающих генов. Вот тогда будет разговор. Поэтому все эти генетически маркёры годятся для анализа патологических процессов, и то, с оговорками. Профилактика и выявление грубых генетических наследственных заболеваний — это важно и нужно. Разговоры о выявлении человеческих способностей по генам это чистая разводилка, попытка найти деньги.

Амиран Сардаров: Можно ли классифицировать бабуинов, по аналогии с гениями? Ведь в лимбической системе тоже есть изменчивость, и некоторые зоны могут быть больше других?

Сергей Савельев: Да, можно взять соотношение структур лимбической системы и прикинуть насколько это работает. Есть изменчивость гиппокампа, в 3-4 раза у разных людей по количеству клеток и объёму. Амигдаллярный комплекс, то есть центр агрессии, тоже в 3-4 раза. Различные отделы гиппокампа тоже различаются. Данные всего этого тоже кое-какие есть — я привожу в книге «Изменчивость и гениальность» количественные характеристики. Да, действительно, подкорковые лимбические структуры индивидуально очень изменчивы.

Я почти уверен, что при большой выраженности различных структур, мы можем ожидать увидеть у человека влияние на агрессию. Представляете, у вас центр управления агрессией в три раза выше, чем у другого. Конечно, маловероятно, что вы будете добрячком, потому что большое подчиняет малое. Но такие вещи, чтобы переносить на психофизиологию, нужно конечно исследовать. А это практически не делается.

Амиран Сардаров: Рождение гения это случайность? Или этим можно как-то управлять, например, селекцией, как при выведении породы собак?

Сергей Савельев: Конечно. Но нужно много времени, поскольку мы размножаемся-то медленно. Просто если взять бесконечное количество времени, то можно селекционировать, но это очень долго. Вероятность того, что у гения будет умный потомок, весьма небольшая. В мозге 300 структур, при размножении они могут наследоваться как по папиной, так и по маминой линии, а это всё вероятностный процесс. Очень долго придётся селекционировать. Проще отобрать из уже имеющихся талантов и гениев, нежели пытаться культивировать. Каждого потом придётся доращивать до взрослого, отбирать по структурам мозга, проверять какой структуры там не хватает. Это превращается в тысячелетний проект и несоизмеримые расходы. Людей так много и они настолько изменчивы, что на улице можно всегда наловить пару гениев — вопрос, как распознать.

Массовое воздействие

Амиран Сардаров: Как до людей донести какие-то мысли? Когда им говоришь правду, они тебя бьют палкой по голове.

Сергей Савельев: Донести мысли также сложно, как и придумать. Даже сложнее. Ещё сложнее, чем договориться с инопланетянином. Мой попугай мне закаляет характер. С ним можно договориться, но также сложно, как какому-нибудь закомплексованному человеку объяснить свою мысль. Нужно много терпения. Он кусает тебя за палец, а ты ему говоришь, что не нужно так делать, это нехорошо. Донесение мысли, даже самой лучшей, правильной, честной и гениальной — это такая же сложная задача. И это подметили ещё задолго до меня. Что есть гениальный музыкант, но человеку, у которого нет слуха, бесполезно его слушать. Нужен настрой на восприятие. Кто может воспринимать, тот и должен.

Не надо пытаться научить всех, не все способны. Если вы пытаетесь донести какую-то мысль до всех, то эта мысль должна быть биологична. «Вперёд на восток, отнимем у всех землю, сделаем всех рабами, а своим дадим по колбасе и по бабе», как говорил Гитлер. Или «каждой бабе по мужику, каждому мужику по бутылке водки», как предлагает Жириновский. Вот это для всех.

Но как только вы начинаете говорить о музыке, то понимание тут же заканчивается. Начинает работать индивидуальная изменчивость и вам надо подбирать того человека, который будет готов вас слушать. Как только вы касаетесь чего-то сложнее инстинктов, то вас перестают понимать многие близкие друзья и родственники. Почему все государства построены на инстинктивно-гормональных регуляциях поведения? Потому что они характерны для всех. Как только вы отрываете вашу задачу от инстинкта, то всё заканчивается. И надо искать того, что сможет это воспринять. Большинству людей вы вообще не сможете объяснить какую-то сложную речь, вы сможете только приучить к этому, создать привычку.

Это биологическая закономерность. Мозг привык решать биологически задачи. Для того, чтобы было для всех всё понятно, надо спускаться на биологический уровень, что и происходит во всём мире.

Как только вы хотите запустить в общество человеческие мысли и человеческие отношения, вы тут же сталкиваетесь с тем, что они не найдут отклик. Люди не хотят их слышать и не хотят так поступать. Они хотят поступать по биологическим законам. И потом выясняется, что если вы хотите использовать какие-то гуманистические принципы, даже такие простенькие религиозные как «не убей» и «не укради», то даже тут надо сортировать. Получается, что индивидуальная изменчивость человека каждый раз хоронит любые, даже самые лучшие начинания. То, что объединяет людей — носит биологический характер. От-

сюда проблема с объединением. Как только между государствами сталкиваются две биологические проблемы, то начинается чёрт знает что.

Вот в чём проблема — достучаться до рассудочной части человечества очень сложно. Потому что универсальные истины биологичны. А рассудочные истины все индивидуальны. Вон на Востоке многожёнство — это хорошо, а в Европе нет. Попробуйте договориться. В Европе многожёнства нет, но 60% детей происходит от соседей. При этом фраза «многожёнство это нехорошо» — курам на смех.

По факту, биологические процессы доминируют над всеми социальными, что бы ты ни делал. И если хочешь добиться всеобщей любви и доминантности, то надо обращаться к животным инстинктам. Что всегда и делали все крупные авантюристы и вожди.

Амиран Сардаров: Вы же говорили, что Гитлер, наоборот, к человеческому призывал.

Сергей Савельев: Здесь другое дело. Он предложил для всех то, что будет много колбасы, водки, баб и земли. Но все, кто в этом участвовали, видели впереди некую звезду в виде величайшей тысячелетней Германии. Она абстрактная, как и коммунизм. Вроде там всё будет биологично когда-нибудь, но все видели какую-то цель, идею.

Все же говорят о национальной идее, а она не может носить биологический характер. Она не может носить характер реализации какого-то инстинкта, это смешно. Такая идея никого не объединит. Сколько ни призывай к тому, что «вот мы сейчас понастроим особняков по всей стране, давайте всех сделаем богатыми, и всё будет хорошо». У нас же была такая возможность, чтобы вообще всех сделать богатыми и счастливыми и вообще перейти на другой уровень развития общества.

Амиран Сардаров: Получается, сейчас наверху придумывают идеологию, чтобы народ отвлекать, а самим решать свои биологические задачи?

Сергей Савельев: По сути, да. Вот у нас в стране 140 млн. человек. Значит 140 млн. раз по тысячи долларов в месяц, это небольшие деньги. Это небольшие проценты от продажи нефти, газа, леса, металлов. Если распределять на всех этот кусочек прибыли, то тогда можно отменить бесплатное образование, бесплатную медицину, пенсии и вообще всё это прекратить. Но при этом каждый с рождения и до самой смерти будет получать гарантированную тысячу долларов в месяц. Эти деньги человек сам сможет отнести в школу или к врачу. Это даст реальную самоорганизацию общества, о которой все мечтают. Все пойдут к хорошему врачу и в хорошую школу, и будут платить им деньги. И ничего нельзя будет сделать. Никто не будет умирать от голода, не будет никаких бомжей.

Амиран Сардаров: И начнут появляться таланты?

Сергей Савельев: Шансов у них будет больше. Тогда у них, по крайней мере, появятся деньги на созревание независимо от среды. Но почему на это никто не идёт? Потому что тут же возникает независимость от окружения. Биологическая зависимость резко снижается. Люди становятся независимыми, начинают автономно думать. Конечно, некоторое количество будет просто лежать и ничего не делать, пропивать эту тысячу, пока не помрут.

Но вы же хотели огромное количество детей! Вот они и будут непрерывно размножаться как кошки, потому что у них задача биологическая. При таких условиях они наделают их быстро. Потому что они знают, что они могут наделать сколько угодно, что бы ни произошло. Они всю страну покроют метровым слоем потомков за пять лет. Девать их некуда будет.

Вот вам гарантированное будущее, не надо копить пенсионные фонды, не надо вкладывать в медицину. 50% этих денег воруют на полпути. Посчитайте все эти деньги, и обнаружите, что их намного больше выделяется, чем по тысяче в месяц на нос.

Амиран Сардаров: Не приведёт ли это к тому, что действительно начнут только жрать и размножаться?

Сергей Савельев: Конечно, это приведёт к известной стагнации на определённом уровне. Но всё закрутится, потому что деньги надо будет куда-то относить. Зуб заболел — ты понёс эти деньги. Деньги будут работать. Ничего бесплатного не будет. Эти деньги тут же перераспределяться между теми, кто умеет предлагать услуги, и теми, кто не умеет.

Но тогда получится, что это независимое развитие человечества. В таком случае, эволюция могла бы пойти и без церебрального сортинга каким-то рассудочным путём. Но она всё равно пойдёт по биологическому.

Если вы выбиваете из системы государства очень важный компонент, который называется «еда», то у вас остаётся размножение и доминантность. А вот этим очень трудно управлять. Если есть еда, то проблема размножения решается быстро. Остаётся доминантность, то есть кто главный в стае. Остаётся последний инстинкт. А для государства это уже очень тяжело.

Вон сейчас нет квартиры, и человек не может размножаться. Маленькая зарплата — опять размножаться не может. Это система внутренней связи, которая с одной стороны тормозит общество, а с другой — делает его более управляемым. В результате, повязанных цепочкой всевозможных взаимодействий людей, вся эта паутина глушит начисто любое

развитие экономики и чего угодно. При этом, гарантированно позволяет управлять этим матрасом. Поэтому никто в мире не хочет на это идти.

Амиран Сардаров: А наверху фундаментально понимают все эти процессы?

Сергей Савельев: Наверху не пользуются биологическим подходом. И не думаю, что понимают. Я неоднократно читал лекции людям при власти, у меня не возникло ощущения, что понимание существует. Я не знаю, что там происходит, но, глядя на их действия, невозможно сказать, что они всё это понимают. Вот этот вопрос о ресурсной ренте выносился на голосование ещё в начале нулевых годов, можно поднять эти материалы. Но это же всё таки и сгнуло и об этом никто не вспоминает. Потому что идея очень здравая. Да, там будет масса перекосов, но люди хотя бы не будут нуждаться в самом необходимом. Может быть, в XXI-м веке так и надо сделать?

Но тогда возникают другие проблемы, когда с людьми уже надо договариваться. К примеру, вы завели большую собаку, какую-нибудь среднеазиатскую овчарку весом 90 кг, которая вас может съесть, если ей что-то не понравится. Вы что, будете её лупить? Да нет, она вас укусит, перегрызёт вам горло. Попробуйте с ней поругаться. С ней придётся договариваться.

Так и с народом, у которого есть реальная перспектива жить и жить нормально — надо договариваться. А договор — это утрата абсолютной власти или абсолютной обезьяньей доминантности — как больше нравится.

Амиран Сардаров: Как думаете, есть тенденция, что народ хочет жить самостоятельно, хотя бы новое поколение?

Сергей Савельев: Не знаю. У нас продолжает набирать скорость негативный отбор, когда отбирают неспособных, неумных, адаптивных конформистов, которые удобны. Это приводит к тому, что из общества умышленно (по биологическим законам) выбивают наиболее оригинальных. Вон тот же С.Ю.Полонский. Он что, один-единственный обобрал дольщиков? Нет. Вон у нас полно недостроенных домов и обобранных дольщиков. И тысячи таких бизнесменов, которые живут себе безнаказанно и их никто не трогает, за всё «уплочено». Но вцепились именно в Полонского, потому что он является демонстрацией некой оригинальности. Народ радуется, потому что отрезают вот этот небиологический кусочек, и подравнивают под общий. Оригинальные и необычные уничтожаются в пользу биологического и конформистского.

Почему других не ловят и не тащат в тюрьму? Почему они как работали, так и работают? Почему продолжают надувать людей? Суммы там не меньше. Так почему такая избирательность? А потому что он сильно

отличается от тихих воров Альхенов (см. «Двенадцать стульев», И.Ильф и Е.Петров), которые растаскивают всё то же самое вокруг нас, в значительно больших масштабах. А он буйный, сильно отличается от остальных. Я даже не обсуждаю хорошень или плохость его поведения, но эта его непохожесть на окружающих является той самой причиной.

Человек

Амиран Сардаров: Можно ли как-то комфортно выбрать между инстинктами и рассудком?

Сергей Савельев: Трудно. Полностью отпустить себя на волю судеб и вести только так, как хочется, или, наоборот, всё вычислять — то и другое даёт одинаково хорошие результаты.

Амиран Сардаров: Как мучительно не прыгать туда-сюда?

Сергей Савельев: А это не получится. Только когда маразм подступит, кровоизлияние в мозг, удар по голове, авария — нейронов станет меньше и выбирать будет проще. С возрастом становятся спокойными маразматиками. Попробуйте поспорить дедушкой. У него линейное мышление, как рельс. Никогда вы его не переспорите. Просто потому что у него нейроны отмерли и ему проще принимать решения. В этом свои преимущества. Зато они счастливы. Половые вопросы не беспокоят. Мыслей мало. Если есть, то одна и прямая.

Амиран Сардаров: Откуда у людей потребность в самокопании, заморочках и страданиях, в поисках ответов на глобальные вопросы?

Сергей Савельев: Противоречия между лимбической системой и корой головного мозга. Потому что получается бесконечный конфликт. Одно — что тебе непрерывно хочется, и другое — что тебе навязывают в социуме.

Тем более, человеку всегда подсовывают неразрешимые приёмы, для того, чтобы он был максимально безопасен. Это, конечно, делается неосознанно. Самокопание — это попытка решить неразрешимую проблему. Я уже об этом говорил. Это Заратустра, который придумал 10 заповедей. «Не укради» — ну всё, невыполнимо. «Не сотвори себе кумира» — невыполнимо. Подсовываются разные способы инактивации человеческого мозга и самовыталкивание в такую область, где все становятся социально безопасными. Это и называется самокопание.

А на самом деле, большинства проблем вообще нет. Их не существует. Они выдуманы для того, чтобы занять людей. Но выдуманы не злым гением, который сидит под ковром и кропает гусиным пером. Нет, конечно. Это сделано в рамках социальных систем, чтобы людей с деньгами и властью обезопасить от людей без денег и без власти.

Амиран Сардаров: Всяческие духовные практики и психологические концепции — это всё ерунда? Там обещают, что достигнешь комфортного просветлённого состояния.

Сергей Савельев: Это, в основном, отъём денег у населения. Ничего выгоднее обещаний нет. Я бы и сам что-нибудь пообещал, вопрос, за

сколько. У этого нет ни материального субстрата, ни возможности проверить. Это почти как замораживание покойников в штате Невада, которые должны оттаять через несколько тысяч лет. Ни один клиент не жалуется. Это мечта любого бизнесмена. Человек вкладывает миллион долларов, его засовывают в банку и заливают жидким азотом. Всё. «Пока не готово». И ещё три поколения бизнесменов будет там лежать. Примерно то же самое, что и загробный мир, светлое будущее, называйте как хотите.

Сколько денег тратится, сил, времени, таланта. Зато они в этот момент социально безопасны. Это направлено, в том числе на то, чтобы засунуть туда и гения, чтобы он был безопасен. Любой гений, добравшийся до социальной структуры сообщества — это атомная бомба. Зачем это допускать? Естественно, человечество, борясь за самосохранение, людоедов и идиотов просто расстреливает и сажает на электрический стул. А гениев, которые опасны для стабильности сообщества, направляет нужным образом. Замораживает различными способами, отправляет в «духовный мир», в особые выдуманные идеи. Это самозащита сообщества, поэтому отбор гениев всегда идёт паршиво. Трудности у этого процесса бесконечные. Поэтому у молодёжи нет шансов, они не знают куда тыркнуться, как доказать свою состоятельность. Сколько я встречаю умных способных молодых людей с горящими глазами, они хотят делать, работать. Но им же загаживают мозги.

Эта система возникла не чтобы против них бороться, она возникла как система самозащиты общества. И понимание этого у отдельного человека приходит очень поздно, если приходит вообще. Если человек додумался до чего-то, то обычно так поздно, что уже ничего исправить нельзя.

Амиран Сардаров: Как вы относитесь к делению людей по психологическим типам?

Сергей Савельев: Психотипы это очень неплохо, но проблема заключается в том, что в чистом виде их нет. Мы можем проверить 100 тысяч человек и отобрать 20 относящихся к этому типу. А так, чтобы взять с улицы любого и сказать, что это точно это тип, не можем — там огромное число переходных форм.

Психология — это вообще не наука. Нет чёткой аксиоматики. Чётких критериев нет. А раз нет чётких критериев, то всё это превращается в словоблудие, чем и занимается психология. Материальной базы там нет, только слова. Если мы имеем дело со словами, которые фальсифицированы изначально, то разговаривать вообще не о чем, это болтология.

Это неплохо для самой общей ориентировки. Но всерьёз делить людей по этим типам невозможно.

Амиран Сардаров: Сколько же бредовых теорий выстроено на основе слов!

Сергей Савельев: Потому что материальный субстрат, под названием «мозг», не учитывается. Психологи вообще долгое время считали, что там такой творожок, у всех одинаковый. Чувствуется по их работам, что у них там и есть тот самый творожок.

Амиран Сардаров: Вы говорили, что для достижения максимальных успехов нужно адаптироваться к нынешней мало интеллектуальной системе. Но ведь есть люди, которые, казалось бы, не особо адаптированы, постоянно нарушают правила игры при этом достигают больших результатов, как, например, Стив Джобс. Насколько вообще имеет смысл играть или не играть по правилам для достижения успеха?

Сергей Савельев: Стив Джобс — супер адаптант. Это классический пример мелкого менеджера, который очень хорошо понимал, что и как кому продавать. Айпод это совершеннейшая фигня, которую невозможно использовать ни для каких творческих дел. Почему вообще сохранился «Эппл»? Потому что Биллу Гейтсу нужен был какой-то противовес. Он сожрал всех и вся, и стал скрыто поддерживать эту непригодную ни к чему компанию. Потому что такую убогость можно было всё время противопоставлять себе гениальному, который уже подмял весь рынок, и на этом зарабатывать все деньги. Не будет никакой борьбы с монополистами.

В 90-е годы был комикс. Я пытался 500 килобайт обработать на эппловском «суперпауэр». Но, ребят, это даже в качестве издевательства не годится. Зато какой дизайн, монитор в стильном корпусе. Вот это Джобс понимал. Как втюхать. Он был сам настолько бабуинистый, что очень чётко понимал, что нужно для того, чтобы человек купил за бешеные деньги совершенно посредственный товар. При этом недостаток товара компенсировался потребительским выпендрёжем. Покупатель покупал немного товара, но много доминантности. Он продавал имидж и ориентировался на самых бестолковых мальчиков и понтовых дамочек. Стив Джобс катался на самых низменных инстинктах и человеческих слабостях. Создав искусственную систему ценностей потребления новых признаков доминантности, он запустил новую социальную конкуренцию. Инстинктивные порывы всегда продаются отлично.

Феномен Джобса в том, что он обратился к инстинктам молодёжи. У кого лучше айпод, тот круче. И полетело.

Амиран Сардаров: Это продумано всё было?

Сергей Савельев: Нет, конечно, Джобс всё понимал интуитивно, посмотрите старую хронику. Неумелый приказчик в несуразной одежде. Потом поднаторел, уселся на инстинкты исключительности и избран-

ности закомплексованных дизайнеров, художников и поехал. Если бы такие были все, то у нас знаете, что творилось бы. К счастью, в бизнес идут не гении. Творческих людей там почти нет. Даже рекламу они прут с запада и плохо переписывают. В основном это дети каких-то начальников, бездарных настолько, что их пристроить никуда не могут.

Почему система Джобса обязательно развалится? Потому что нужно непрерывно придумывать новые гаджеты, которые бы повышали доминантность молодёжи. Кому это всё нужно? Кто там на этом айпаде что-то пишет? Я вас умоляю! Там с ошибками 20 слов набрать и отправить из метро, это вот то единственное, на что способен слабоумный подросток, чтобы показать свою страшную крутизну. Для крутизны это и было сделано. Апеллирование не к удобству и функциональности, а к крутизне. Как эти девицы на презентациях бегают с подносами в виде айпадов и снимают всё подряд. Это субкультура исключительности. В фильме «Кин-дза-дза» всё было сказано. Герой фильма говорит, что «Жить на планете, где нет цветной дифференциации штанов, да никогда!». Вот Джобс устроил на этой планете цветную дифференциацию айпадов и айфонов, для молодёжи. А дальше надо что-то придумывать. Я думаю, что со смертью такого знатного втюхивателя это всё и закончится. Производить эту ерунду может кто угодно. А вот придумывать новые «цветные штаны» — это другое дело. В этом он был талант. Это менеджерский талант, который оказался востребованным, он попал в нужное время и место. Нельзя отрицать, что в этом он оказался талантливым и даже напугал Билла Гейтса.

Амиран Сардаров: Вы говорили, что людям кажется, что они думают. Как всё-таки понять, что действительно думаешь? Какие критерии?

Сергей Савельев: Критерии творческого мышления понятны: создание нового. А вот критерии просто думания — это когда человек внутри себя пытается решить какую-то задачу. Но он её пытается решить не просто выбором и подбросом монетки. А обдумать все обстоятельства и принять решение. Пусть оно будет неправильным. В следующий раз обдумаешь ещё лучше.

Амиран Сардаров: Я смотрел по себе: всегда сложно пытаться обращаться к чему-то новому. В первую очередь перебираешь то, что есть под рукой.

Сергей Савельев: Конечно, потому что мозгу лень. Я об этом уже тысячу раз говорил и буду говорить, что мозг потребляет очень много энергии. Организм не может позволить себе работу такой дорогой штуки. Представляете, если бы вы ездили на бензине, который в тысячу раз дороже. Много бы вы наездили? Вы бы каждый раз чесали голову, что нет, лучше пешочком. И вот мозг также делает. Он потребляет такую огромную часть энергии организма, что вынужден экономить. Четверть всей энергии в момент напряжения и 30%

кислорода. Это ужас. Мышцы, которые составляют огромную массу тела, зачастую потребляют меньше, нежели когда человек думает.

Амиран Сардаров: Люди, успешные с социальной точки зрения, говорят «я многого достиг только после полной жопы».

Сергей Савельев: Конечно. Мозг начинает работать только тогда, когда никаким другим способом уже действовать невозможно. Имитация, воровство чужих идей и решений — это с самого начала. Затем ощущение всеобщей несправедливости к себе, потом обида, озлобленность и поиск оправданий. Только в последнюю очередь — мышление. Мозг ленив и сопротивляется до последнего.

Амиран Сардаров: А искусственно это как-то можно сделать?

Сергей Савельев: Очень трудно. Обманывать мозг нужно. Он, подлец, работать не хочет. Он хочет тебя использовать и быстренько выключаться. Выключиться и отдыхать. Для мозга главное низкие умственные расходы. Поэтому все средства хороши. Бороться приходится с самим собой всё жизнь. Искусственно это сделать очень трудно.

Доминантность

Амиран Сардаров: Самая интересная из бабуинских мотиваций — доминантность. Её разновидностей имеется множество. У кого-то доминантность посредством девок и «Феррари». Совсем другое дело, это бабуинство условного Че Гевары или Матросова. Вот что заставляет их доминировать посредством некой жертвенности, героизма? Ведь машинками и девками проще и безопаснее.

Сергей Савельев: Тот, кто героизму, он не всегда готов умереть за это дело. Он понимает, что есть вероятность умереть, но также есть вероятность стать величайшим революционером Южной Америки в случае смерти. Такая доминантность тоже греет. При этом есть шанс выжить, вон Фидель Кастро до сих пор жив, всё нормально. А ведь он на всё это шёл вместе с Че Геварой. Одному повезло больше, другому меньше.

Амиран Сардаров: Если появилось состояние, что уже в целом наплевать на деньги и на женщин, но при этом есть желание «сделать что-то хорошее», то это что, проснулся инстинкт доминантности?

Сергей Савельев: Если бытовое и обывательское уже достигнуто, то вопрос насколько у человека индивидуальная организация мозга не позволяет ему спокойно сидеть. Доминантность бесконечна.

Амиран Сардаров: Доминантность всегда мучительна?

Сергей Савельев: Конечно, потому что надо на что-то решаться, тратиться. Как в науке можно проверить, хочет ли человек заниматься наукой? Если он вкладывает свои деньги для решения хотя бы маленькой научной проблемы — значит, он хочет заниматься наукой. А если он будет стонать, ныть и канючить деньги, вместо того, чтобы оторвать от себя последнее и сделать, то надо идти в банк деньгами торговать, а не наукой заниматься.

Если у человека при деньгах появляется интерес, например, к науке — это значит, что в нём просыпается то, что до этого было скрыто. То самое ценное, что есть в человечестве. Он готов рисковать жизненно важными ресурсами, чтобы получить то новое, что не было до него в природе. Он сам уже не может, но вкладывает в дурацкие и идиотские проекты. Неважно в какие, пусть даже в такие как «эликсир жизни». Чем больше таких людей, тем больше шансов для науки что-то сделать. Потому что сегодняшняя система организации как нашей, так и западной науки, не даёт почти никаких шансов заниматься разумными, а не пиарными делами.

Амиран Сардаров: Доминантность как будто притупляет инстинкт еды и размножения. Можешь быть весь в долгах, но к деньгам особо

не стремиться. Тот же Гитлер жил в ночлежках и под мостами, но думал о мировом величии.

Сергей Савельев: Гитлер это супердоминант. Образец доминантности. Да и с дамочками там всё было в порядке. Как только он получил возможность всех контролировать и «мочить», то с размножением стало всё нормально. Доминантность она и нужна в том числе для того, чтобы получить большую хорошую самку, и её оплодотворить.

Все эти ребята вроде Гитлера, Сталина, Наполеона — это самодвижущийся комплекс чистых инстинктов. Они расширяли свою жизненную территорию и становились супердоминантами. Они боролись за еду и доминантность, самки прилагаются. Больше ничего за ними не было. Какие великие идеи были у Наполеона? Он к тому же страшный трус. Когда в «просвещённую Францию» приехал Франс Иосиф Галь и появились намёки на то, что Наполеону хорошо бы тоже шишки на голове проверить, то тот быстро упрятал Галя в тюрьму. Вот вам пример «просвещённого Наполеона», который до смерти перепугался, отравил учёного и всю жизнь жил как бабуин.

Амиран Сардаров: Что же им помогло достичь таких нетривиальных результатов?

Сергей Савельев: Они одни из многих. Это статистический процесс. Человек должен быть достаточно одержимым, «настоящим буйным». Таких типов появляется немало. Это как с бизнесменами, когда говорят, что «вот он успешный бизнесмен, пробился!». Ребята, а сколько не пробилось? Надо считать негатив. Вы же все видите вокруг себя результаты работы кухонного дуршлага. Социальная эволюция берёт этот инструмент и лупит по людям-макаронам, какая-нибудь да вылезет, через редкую дырочку. И вот эту бизнес-макаронину вытягивают и говорят, что «вот, настоящий бизнесмен!». А сколько там осталось в кастрюле под дуршлагом, никто не вспоминает. Забыли уже как в 90-е годы, таких же крупных бизнесменов, которые потом стали миллиардерами и растаскивали всю страну, привозили в морги кучами. Пиджаки лежали с одной стороны зелёные, с другой стороны красные. Тогда к моргам подгоняли морозильные трейлеры и складывали туда трупы, потому что девать было некуда. Естественно, что часть из них была поталантливее. Но это всё статистический процесс. Как говорил О.Бендер, что раз идёт делёж денег, то у кого-то они скапливаются. Биологический процесс. И получилось, что деньги скопились отнюдь не у самых лучших и умных. Это хорошо заметно даже при дымовой пиар-завесе. Теперь-то конечно им всем хочется доказать, что они самые, самые и всегда ими были. Но на всякий случай, денег на науку не дают, особенно на церебральный сортинг. Побаиваются, как и Наполеон.

Амиран Сардаров: А что вообще значит «супердоминант»?

Сергей Савельев: Это человек, который любой ценой стремится стать лучшим, выдающимся, и запомниться миру надолго. Все те качества, которые получает большой толстый сильный бабуин в стае. В сообществах такими обычно становятся всякие вожди. Это биологически мотивированная форма поведения. Инстинкт, который доведён до абсолюта. Иногда эти люди имеют массу дефектов, но в результате статистического процесса становятся такими гипердоминантами.

Это люди, которые методично шли к своей цели. Македонский вообще очень рано стал таким. Хотя он инструмент Аристотеля, который из него и сделал успешного правителя. Не будь Аристотеля, результат был бы неизвестно когда, если бы вообще был. Не бывает там такого, что вот раз и выстрелило. Всему этому предшествует долгая подготовка. Но опять же, это вероятностный успех, статистический. Умри Ленин от какой-нибудь нехорошей болезни, Троцкий стал бы главным.

Амиран Сардаров: Ведь их многих жизнь сильно была палкой, как же у них получалось идти к своей цели?

Сергей Савельев: Ленина, который даже в ссылках питался свежей бараниной, действительно жизнь была ужасно — ягнятина не всегда поступала вовремя. Того же Гитлера в своё время кормил один крупный промышленник, просто из жалости, благодаря чему он и выжил. А потом он из благодарности приютил его сына, и всё время, пока был фюрером, этот парень постоянно сидел с ним за столом, и аккуратно записывал всё, что говорил Гитлер. Даже вышла книга, называется «Застольные речи Гитлера», которая была создана во время этих обедов.

Отсроченная доминантность это всё равно вероятностный процесс. Чудес не бывает. Потом, задним числом, это всё идеализируется. У нас все эти бизнесмены рассказывают, как у них было три рубля, они начали шить носки, а потом разбогатели. Эти чудесные сказки пусть рассказывают бабушкам.

Мотивация

Амиран Сардаров: Вы говорили, что один из методов заставляяния мозга работать — это отсроченная доминантность. Но данный метод подходит только некоторым. Кто эти некоторые и почему только им?

Сергей Савельев: Большинство людей не может ожидать 20 лет, чтобы появилась отсроченная доминантность, да ещё с некоторой вероятностью. Приматы хотят жить сегодня и сейчас, поэтому любая отсроченность результата делает этот приём соблазнения мозга почти невероятным. Поэтому люди и не вкладываются. Им не верится, что они долго проживут, что это произойдёт. Предпочитают синицу в руках. На долгоиграющие проекты люди обычно не идут.

Амиран Сардаров: При этом вы говорили, что мечтания выделяют эндорфины, и тогда вообще ничего не делаешь. Чем отличается бессмысленное мечтание от отсроченной доминантности?

Сергей Савельев: Отсроченная доминантность требует реализации, то есть работы. А мечта никакой работы не требует. Поэтому отличаются они энергозатратами. Эндорфины выделяются тогда, когда нет энергозатрат. А когда человек что-то делает, то эндорфины особо не выделяются, только при получении промежуточных результатов.

Амиран Сардаров: Вообще, чем плохи/хороши мечтания и всяческие предвосхищения даже намечающихся событий?

Сергей Савельев: Мечтания это набор иллюзий, которые позволяют сидеть на завалинке и думать о богатой невесте и решении всех своих проблем. Для мозга это очень хорошо, потому что для него нет разницы, мечта это или реальность. Если сегодня есть не хочется, а мечта хорошая, то мозг будет её поддерживать. Главное ничего не делать, и желательно особо головой не напрягаться, что тоже требует затрат энергии.

Так что можно мечтать, как простодушные девушки мечтают о каком-нибудь голливудском бабуине, и нормально всё у них. Затрат никаких, одни желания и острая необходимость хорошо одеться. В этом и дело, что бессмысленные желания не требуют затрат энергии. Они обычно обходятся дешевле, чем любая деятельность.

Амиран Сардаров: Можете подробнее рассказать про смещённое внимание? Когда перестаёшь концентрироваться над каким-то делом, а потом приходит озарение. Как этим можно управлять?

Сергей Савельев: Речь идёт о смещённой активности, я сам этим пользуюсь многократно и постоянно. Если ты направленно действуешь, долго и упорно занимаешься каким-то делом, то в конце концов происходит замыливание внимания, перестаёшь понимать мелочи. И

вот для того, чтобы это избегать, я, например, начинаю заниматься каким-то другим делом, далёким от этого.

Амиран Сардаров: А если другие не нравятся?

Сергей Савельев: Надо себя заставлять. Брать метлу и идти подметать. Я, например, занимаюсь художественной фотографией или проблемами, связанными с эволюцией мозга. Они очень далеки от того, чем я занимаюсь ежедневно.

Если два дня подряд возвращаешься к своей проблеме и не чувствуешь в ней продвижения, то надо её оставить, прерваться и успокоиться. Мозг такая штука, что его нельзя заставить работать, можно только обмануть.

Амиран Сардаров: Заниматься бабуинством это тоже вариант?

Сергей Савельев: Да, но тут мало что может прийти в голову, потому что когда гормоны начинают выделяться, то мозг уже подчиняется совсем другим законам. Поэтому лучше всего найти какую-то более или менее нормальную деятельность, достаточно продолжительную и требующую большого сосредоточения, внимания и аккуратности. Вот тогда пройдет время и случится озарение в основном деле. Озарение построено на том, что когда ты занимаешься новым делом, то устанавливаешь новую систему связей между отделами мозга. Эти связи образуются всю жизнь. Если неделю ковыряешься с каким-то фотографическим проектом, то после переключения обратно на основную деятельность понимаешь, что там всё ясно как божий день. И что ты думал и ломал голову. А просто ты воспользовался связями, наработанными в каком-то другом творческом и занудном деле.

Можно пользоваться и бабуинскими делами. По молодости лет у меня получалось пользоваться гормональной активностью, связанной с половым деморфизмом. Но тогда нужно этим воспользоваться и вовремя переключиться. Лучший мастер этого дела А.С.Пушкин, который писал свои гормональные стихи, возбуждаясь дамочками. Он использовал свою половую систему наилучшим образом, один из гениев паразитизма на собственных гормонах.

Амиран Сардаров: Человек вообще может что-то делать не для инстинктов? Тот же гениальный учёный или философ насилуют свои мозги только ради доминантности, чтобы в историю войти, или ещё что-то есть?

Сергей Савельев: Если человек осваивает возможность заниматься небологическими делами, то дальше будет легче. Это в начале тяжело. Но если выдержал 5-10 лет, то дальше идёт легче, уже это начинает давать обратную афферентацию (имеется ввиду слабое признание твоей неумелой деятельности другими сотоварищами), то

есть давать биологические и инстинктивные преимущества. Также уже сам объём знаний начинает срабатывать, человек чувствует, что может уже выпендриваться среди сверстников-бабуинов. Это ощущение его немного подкармливает, появляется самообман, и дальше всё идёт намного легче. Вот вы читаете книги, повышаете свою доминантность, в результате у вас развивается сомнительное, но редкое чувство самоуважения. И даже если вам этот труд процессуально не очень нравится, то его плоды столь сладки и дают возможность общаться с разными людьми, расширять мировоззрение, в результате чего вы не только начитанный, но и наслушанный. Благодаря тому, что вы получаете корм для мозга, неважно откуда, и комбинируете этот корм — то приобретаете ту исключительность, которая очень греет ваше тело, лучше чем наколки. Вы становитесь исключительным, и чем дальше, тем это быстрее нарастает. И это является отличным допингом и наркотиком для того, чтобы двигаться дальше.

Другое дело, какая стоит цель. Некоторое время над этим лучше не задумываться, пока не получите социальных преимуществ. После их массового появления уже большинство перестаёт метаться, и не обращает на них внимания. Становится ясно, что жизнь прожита зря, и заниматься надо было не тем. Осознание этого горя приводит к переходу на другой уровень как в компьютерной игре, когда ценности сдвинутся, и всё будет выглядеть совсем не так, как сейчас. Но для этого должно пройти время и вы должны свариться в этом супе. Точнее, суп должен свариться в вашей голове. А как именно вы получите эти знания, от каких людей — это дело десятое.

Амиран Сардаров: А что происходит на новом этапе?

Сергей Савельев: Если случайно остаётесь человеком и занимаетесь человеческими делами, то всё переоцениваете. Вдруг понимаете, что всё, что вас толкало — оно ценности-то не особо имеет. И тогда вы уже понимаете, что, собственно, человеческих занятий очень мало. И вдруг, к концу жизни, выясняется, что человеческих занятий почти нет. Работы, которая приводит к настоящей человеческой синтетической деятельности, очень мало. Но для таких выводов надо обладать самокритичностью. Эту справку, по самому большому счёту, каждый должен дать себе сам. Обычно получается так, что ты набирал знаний, повышал доминантность, рос как человек, но цели были не человеческие. И вот когда их достиг, то выяснилось, что это действительно есть то ценное, что ты приобрёл, а остальное ерунда. Гормоны кончились, волосы выпали, уже всё подряд есть, пить и курить не можешь. И вот тогда начинается совершенно другой этап, осознание того, что ты собрал внутри себя. Здесь уже принципиальный момент. Некоторые плюют на всё и превращаются в потребителей, другие пытаются найти выход, и тогда иногда это приводит к значимым для человечества последствиям, как у того же Ницше, хоть он и прожил недолго.

А пока что вы заставляете себя делать то, что вам не нравится, чтобы научиться заниматься человеческими делами. И это надо пережить. Ребёнок, которого вы учите рисовать, никогда не поймёт, умеет ли он рисовать, пока не научится держать кисть, смешивать краски и освоит законы перспективы и цветосмешения. До этого момента он сам не сможет понять, умеет ли он рисовать или нет. Так и человеческий мозг. Если вы не будете интенсивно думать 10-15 лет над неким набором своих или общечеловеческих проблем, то вы не поймёте, умеет ли он у вас работать или нет. Но за это приходится платить.

Амиран Сардаров: От чтения книг и узнавания оттуда новой информации тоже образуются связи в мозге?

Сергей Савельев: Они будут образовываться, даже если вы будете тихо лежать на диване. Но при чтении книг побольше, потому что мозг начинает сильнее кровоснабжаться, примерно в 2,5 раза. Когда вы читаете книгу, вы же про себя проигрываете. Вам рисуются какие-то фантастические пейзажи, личности, события, инопланетяне. У вас начинается интенсивный кровоток, в зрительных областях вы пытаетесь представить, как смелый герой скачет, гонится, ваши мышцы сокращаются.

Вообще, любая необычная интеллектуальная деятельность очень нужна и важна для мозга. Пример — фильм «Аватар». Когда вы имитируете необычные ощущения и видите необычные образы, мозг пытается их запомнить, вдруг они пригодятся. Мозг не знает, что это выдумки, но отделаться от этого не может. Ценно ли это? Ценно. Этим и притягивают такие фантастические фильмы, чтобы посмотреть хотя бы один раз. И он в этом случае работает.

Если же вы смотрите что-то вроде «Дом 2», где решаются сугубо инстинктивные вопросы, где есть только инстинктивно-гормональные формы поведения, такой человеческий зоопарк, где никакие вопросы, кроме инстинктов не решаются — вот это уже всем понятно и мозг не напрягается.

Амиран Сардаров: Есть критерии, как правильно читать, чтобы связи лучше образовывались?

Сергей Савельев: Чтение само по себе очень быстро превращается в имитацию. Оно тогда полезно, когда на своём опыте вы пытаетесь решить какую-то новую задачу, ранее не решённую. Вот тогда полезно, чтение помогает. Плюс нужен некий объём знаний, чтобы создать что-то новое. Нужно иметь базовые представления о рисовании, чтобы нарисовать что-то новое.

Уважение к инстинктам

Амиран Сардаров: Вы говорили, что надо отдавать должное своим инстинктам. Не ударяться в крайность рассудочной деятельности. А чем это чревато? И почему бывает так, что если туда попадаешь, начинаешь свои инстинкты забивать в угол, то в этой рассудочной крайности уже ничего не получается? Хотя, казалось, живёшь крайне разумно.

Сергей Савельев: Связи в мозге есть производная от рода деятельности. Если ты себя насилуешь и заставляешь вести разумно, то никаких новых связей во многих сексуально-романтических областях не получится. Деятельность должна быть разная. И половая, и интеллектуальная, и физическая. Мозг сложился как обезьяний инструмент, поэтому не надо брезговать обезьяньими занятиями, но только надо их контролировать и использовать по делу.

Амиран Сардаров: В первой части жизни из-за влияния родственников, друзей и пропаганды у меня был абсолютно бабуинский образ жизни: деньги, дорогая машина и т.д. Я это всё очень быстро достиг. Потом всё потерял, но сейчас мне туда возвращаться не хочется, я всё это видел, и ничего интересного там нет. Теперь это всё забилося в угол и не хочется отдавать должное инстинктам. Ни деньги, ни женщины особо не интересуют. Но появились цели человеческие или для доминантности. А вы говорите, что нужно отдавать должное, но желания особо нет. Как быть?

Сергей Савельев: Ничего просто так не бывает, за всё приходится платить. Придётся всё равно по девкам ударять. В какой-то степени, это будет насилие над собой. Молодой человек должен периодически испытывать гормональные потрясения. Это старику можно обойтись и нормально. А у молодого скажется и на физическом состоянии, потенция может снизиться. Молодым иногда следует не только думать о судьбах человечества, но и о достоинствах противоположного пола.

Поэтому нужно уметь искренне переключаться между человеческим и бабуинским. Будешь переключаться — научишься управлять своим мозгом. А не научишься — он будет управлять тобой. И тогда закончишь быстро и плохо, в том числе с ума можно сойти. У нас мозг такой большой, в нём настолько много всяких структур и отделов, что если не будешь пользоваться хоть чем-то, то там начнётся склёротоз, нейроны будут погибать, это очень плохо.

Амиран Сардаров: Я заметил, что у многих умных или способных людей, которые много думают — неважное здоровье.

Сергей Савельев: Конечно. Если вы начинаете интенсивно думать, то, о каком здоровье может идти речь? Первое, что у вас выходит из строя — это желудочно-кишечный тракт. Моментально. А в автономном

режиме он работает нормально. Если же вы начинаете думать о чём-либо, тем более если это не приносит прямой биологической пользы, то у вас тут же начинается рассогласование периферической нервной системы. И гормональной, и вегетативной, и ЖКТ, и несварение желудка, чёрт знает что. Обезьяний организм не приспособлен к мышлению, и от ваших человеческих мыслей в первую очередь страдает задница, ну это как всегда. Потому что тут же начнутся проблемы с пищеварением. Так всегда было, есть и будет.

Амиран Сардаров: Баланс можно как-то найти?

Сергей Савельев: Очень трудно. Потому что если вы занялись чем-то интересным, у вас это получается, и вы на этом сосредотачиваетесь, то сутки можете не спать и думать, но в результате начнёте страдать физически. Начинают появляться болезни и что угодно. А как вы хотели? Если уж хотите быть здоровым, то придётся быть скотиной. Как раньше говорили: здоров, как крестьянин. Простая жизнь, простые задачи и цели. А как появляются всякие мысли, то здоровье начинает исчезать.

Амиран Сардаров: Заплатить всё равно придётся?

Сергей Савельев: Обязательно. Чудес не бывает. А баланс возможен, но его очень трудно удерживать. Если вам что-то интересно делать и действительно нравится, то, как вы можете удержаться? Вспомните себя лет в шестнадцать, когда понравилась девушка, вы безумеете как бешеный кабель и понеслись за юбкой. Там может что-то остановиться? А теперь представьте что с тем же увлечением вы занялись Гегелевской философией. Последствия те же самые.

Но на это надо идти осознанно. Если пищеварение прекратилось, то надо заняться чем-то другим. Самое лучшее — временная смена деятельности, пока в голове всё уляжется. Время для перерыва выбирается индивидуально, по ощущениям.

Постановка и достижение целей

Амиран Сардаров: Насколько вы придаёте значения такой штуке, как везение? Очень часто можно наблюдать, что, казалось бы, два похожих человека, всё делают примерно одинаково, но один получает всё довольно легко и непринуждённо, а другой половину этих результатов, но с диким напряжением и надрывом.

Сергей Савельев: Везение, конечно, есть, потому что все процессы в нашем обществе вероятностные. Тем более, двух одинаковых людей не бывает, потому что мозг изменчив. При этом и внешне люди разные — одни вызывают доверие, а другие нет. В конце концов, одни пахнут для вомерозональной системы очень соблазнительно, а другие нет. Иначе говоря, есть много скрытых неочевидных мотивов, которые позволяют предпочесть одного человека другому. Плюс различные физиономические особенности. Если взять двух братьев близнецов и разлучить, потом заставить что-то делать, то принципиальных различий не будет, такие эксперименты проводились. Если отсечь все субъективные данные, то люди определённого фенотипа с одинаковым мозгом выдадут примерно одинаковый результат. А во всех остальных случаях везение — это индивидуальную изменчивость. Которую ты снаружи в мозгах не видишь, и фенотипически не учиываешь. Она может быть очень тонкая и малозаметная.

Амиран Сардаров: А как вообще связаны мозги с фенотипом? Неужели какие-то зоны мозга напрямую влияют на форму лица, костей и т.д.? Часто бывает, что смотришь на человека и думаешь «фу, какой неприятный», судишь по внешнему признаку, и потом так и оказывается.

Сергей Савельев: Что такое мускулатура нашего лица? Она отражает наши мысли, но не в прямом смысле, а мы просто их проговариваем. И со временем на мордах человеческих начинается писаться то, что они думают про себя. Это тайно, никто не слышит. А мышцы-то сокращаются. Именно поэтому человек постепенно формирует своё лицо. И чем более грустненькие у него мысли, тем более грустненькое будет лицо. А если нет никаких мыслей, то будет гладкое и красивое, как у балерины.

Речь о том, что мы невольно сокращаем мускулатуру. Невольно придаём лицу некую форму. Вспомните того же Марка Твена. Как мальчик догадывался, когда играл во всякие угадайки? Он пытался придать своему лицу такое же выражение, как и у его противника, и быстро соображал. То же описывал и Гоголь про Чичикова. Когда вы придаёте своему лицу образ вашего контрагента, то, по сути дела, с помощью мышц возбуждаете те области мозга, которые позволяют вам представить, что он думает.

Амиран Сардаров: Неужто за такую короткую жизнь лицо меняется настолько сильно?

Сергей Савельев: Да, конечно. Посмотрите на людей, которые истощены всякими излишествами. Вглядитесь в их лица. Они говорят о себе очень многое. Или посмотрите на религиозных фанатиков, у которых чистые светлые розовые лица — они делегировали свои мысли далеко и навсегда. Да и мыслей там никаких не было. Гладкие, сочные, ничего не выражающие лица. Думать им не надо, они пользуются готовыми алгоритмом.

Амиран Сардаров: Бывает так, что долго бьёшься головой об стену, а потом вдруг внезапно получается. Причём не в то время и не в том месте, в котором мог бы ожидать. Или человек, например, получает деньги и славу и считает, что это он сам такой молодец.

Сергей Савельев: Если долго заниматься одним и тем же, то обычно получается, это хорошо известно. Потому что это как учить язык: чем дольше мозг направлен на решение какой-то проблемы, тем более изощрённым способом он пытается от неё избавиться. И, в конце концов, находится нужная комбинация. Человек в мелочах начинает вести себя так, чтобы направить своё поведение и результат на совершенно определённую область. И дальше уже вопрос времени. Если он постоянно прикладывает усилия и пробует много вариантов, то рано или поздно это произойдёт. Вопрос времени, которое ты этим занимаешься. А также твоих способностей, потому что нужно многообразно решать, для этого мозг и наличествует, чтобы искать новые и нехоженые варианты решения проблем.

Другое дело, что в конкретных ситуациях могут играть большую роль случайные, абсолютно посторонние, но яркие факторы. Приведу пример с собой. Вот я всю жизнь курил сигары и трубку, а из напитков предпочитаю коньяк. На одних из многочисленных выборов в разные академии, которые я успешно проигрывал, произошла поучительная история. Для гарантированного провала моей кандидатуры на выборах в член-корреспонденты было организовано выступление одного из академиков. Этот мудрейший развёл руками и сказал «Савельева нельзя принимать в Медицинскую академию наук, поскольку он пьёт старый французский коньяк и курит вот такие сигары!». Вполне понятно, что это был очевидный и убийственный аргумент. Налицо примитивная внутривидовая конкуренция, переведённая из научной плоскости в социальный конфликт, вполне понятный участникам голосования. Из выступления совершенно очевидно, что претендент и так хорошо живёт, а академическое звание только усилит его доминантность. Конкурентное поведение голосующих стало основным мотивом, а научный смысл процесса просто исчез.

Другой пример смены внутренних социальных целей обезьяньего происхождения тоже личный. Пока я больше предпочитал трубку, хороше-

го трубочного табака не было, его привозили всегда из-за границы. А когда табак широко появился во всех ларьках в стране, то курить трубку уже расхотелось. Проблема решена, но тебя это уже не волнует. Так же и у большинства людей, стремящихся к конкретной цели. Зачастую не надо страстно желать своей цели, а то вдруг сбудется, потом об этом будешь долго жалеть.

Амиран Сардаров: И что же делать, чтобы потом не жалеть?

Сергей Савельев: Цели надо выбирать человеческие, которые нельзя объяснить биологическими мотивациями, тогда получишь райское наслаждение. Никакие биологические цели наслаждения не вызовут. Потому что люди интуитивно понимают, что когда достигают результата, то это не особо то, к чему изначально стремились. Только абсолютно небиологические цели позволяют заниматься ими всегда, не чувствуя разочарования и усталости.

Почему сейчас многие опять полюбили Сталина и всячески его вспоминают? Потому что он взял и физически отсёк биологические начала. Сказал, что «еды и одежды вам будет ровно столько, чтобы не умереть от голода и одеться, и давайте жёстко и бескомпромиссно делать великую страну». И вот сейчас все тоскуют отнюдь не о голодных годах, недостатку колбасы и модной одежды — это всё забывается. А остаётся только идея великой страны, которую он пытался создать. Да, он это делал ради собственной оголтелой доминантности и культа личности. Да, проходясь катком по всему на свете. Да, уничтожая, в том числе лучшее и здоровое. Но это был процесс, который не носил прямой биологической выгоды каждому участнику. В этом его притягательность.

В финале своей жизни каждый человек оценивает то, что он сделал, не только для того, чтобы размножаться, есть, пить и спать. И если осталась хоть одна извилина, то очень травмирует осознание того, что ни на что не оказался способным, кроме как на колбасу и делание детей.

Амиран Сардаров: А что делать, если не получается и руки опускаются, начинаешь морочиться, тем ли занимаешься, моё ли это?

Сергей Савельев: С чего вы взяли, что успех это критерий «моё или нет»? Успех — это обратная афферентация, то есть обратная связь, когда тебя оценивают. А получается или нет — это ты должен судить сам. Это та самая жестокая самокритичность, которая уже обсуждалась и которая ценнее любого внешнего признания. Если, конечно, она есть. Например, в науке в большинстве случаев научная деятельность учёного при жизни вообще никак не оценивается, это пустышка. Что тебя при жизни признают, и будут носить на руках с Нобелевской премией — крайне маловероятно.

Амиран Сардаров: Как обычно у людей получается найти дело по душе и способностям? У них же нет церебрального сортиinga. Случайность?

Сергей Савельев: Да, случайность, перебор вариантов. Всё же на этом построено. Чтобы человек нашёл дело по себе, обычно есть всевозможная система вариантов. Разные кружки, огромное количество специальностей. Что, кому-то нужно общее образование? Да если бы нашли способ определять человеческие способности, то половину из этого образования выкинули бы, и давали только то, что ему нужно. Вся система образования и воспитания — это способ самоопределения. Поскольку другого критерия выбрать нельзя.

Амиран Сардаров: А по внутренним сигналам, отзвукам в себе, выбрать можно?

Сергей Савельев: Это всё не объективно, подгонка под результат. Влияет внутренняя оценка, девушка, образец поведения. Это всё стимулирует к занятию определённой деятельностью. Потом выясняется, что человек пошёл из-за полового диморфизма, гормонального всплеска или желания заработать, и поэтому сам себя убедил, что это «его». А потом всю жизнь мучается. Но пока это всё сводится к перебору, случайности.

Психологические заморочки

Амиран Сардаров: Если привык все 25-30 лет жизни жить по неким идеалистическим представлениям и заблуждениям, и тут вдруг ознакомился с вами, как перестроиться? Привычки сложились, имеются всевозможные внушения, убеждения. Как теперь со всем этим работать? Не с психологом же.

Сергей Савельев: К психологу ходить бесполезно. Он только разовьёт в вас пару-тройку комплексов, которые окончательно погубят вашу брэнную душу.

Если без шуток, то никогда не поздно менять свои представления. Как бы я не относился к И.П.Павлову, но свои лучшие работы он сделал всё таки уже в зрелом возрасте, существенно после пятидесяти лет. Л.Н.Толстой уже в очень зрелом возрасте изучал языки и делал с них переводы. Те же четыре его знаменитых толкования «Евангелие», которые, кстати говоря, что интересно, до сих пор никем не благословляются. Хотя книжка интересная, я в своё время внимательно прочёл.

Многие люди, несмотря на свой преклонный возраст и физическую немощь, находили в себе силы переломить ход своей жизни, и заняться тем, что меняет их жизнь. Тем более, в 30 лет. В 50 вы уже с удовольствием забудете, что было с вами в 30, и скажете, как это давно было. Это в 30 кажется, что жизнь уже необратима. Реально же всё зависит от того, к чему вы стремитесь. Человек в жизни всегда решает только одну проблему — отвечает на вопрос «а чего ты вообще хочешь-то конкретно?».

Амиран Сардаров: Что такое эмоции, всякие переживания, депрессии? Это вредно? Можно с ними как-то работать? Почему после депрессий и больших потрясений переходишь на некий новый уровень, и открывается новая картина мира?

Сергей Савельев: Ты понервничал, у тебя в мозге образовался кровоток, много новых связей. Стресс — это необычная ситуация, в которой мозг не может решить проблему стандартным способом. И уж когда его прижимают как следует, вот тут он уже начинает думать, что делать. Он начинает работать не за страх, а за совесть, потому что появляется биологическая проблема, которая того и гляди станет несовместима с жизнью. В этот момент, запугавшись до ужаса, он начинает лихорадочно работать, кровоток увеличивается, связи образуются. И ты уже кормишь не толстый подкожный слой жира, а нейроны, пытаюсь вывернуться из этой ситуации. И вот тут уже появляются те самые «инсайты». Самый известный инсайт — это обида И.С.Тургенева, когда его посадили за долги, и он сказал «вы будете плакать ближайшие сто лет», и написал «Му-му».

Амиран Сардаров: Обычно, если разрушаются представления, с которыми долго жил, то опора уходит из-под ног, люди начинают спиваться.

Сергей Савельев: Это всё фальшак от начала до конца. Если человек видит, что он что-то делает, но ничего не получается, то зачем страдать, может делать по-другому? Или думать как-то иначе о том, что ты делаешь, раз это не получается всё время.

У человека есть два варианта:

Сложиться той обезьяной, которой мы появились на свет, и прожить счастливую бабуинскую жизнь. Это потребует минимальных усилий, минимальных конфликтов и минимальных семейных проблем, приведёт к хорошей карьере. И потом, как писали Ильф и Петров, «прекрасная вдова с персидскими глазами будет плакать на вашем холмике». Тут всё замечательно, и не надо человеку мешать в этих его желаниях.

И второй — если вдруг вы хотите сделать хоть что-то, чего не было до вас в природе или в обществе.

Амиран Сардаров: Это у кого горе от ума?

Сергей Савельев: В чём конфликт «горе от ума»? Ума-то много, горя полно, но зачем ум его горю, если сам герой живёт по тем же законам? Проблема высосана из пальца. Он получил в фамусовском обществе горе от ума. При этом другое общество — за углом, какое-нибудь «пердулькино», будет такое же с головной болью, только по-другому. Он тут меняет шило на мыло. Изменений-то нет. Ему что-то не нравится, но он же не предлагает никакой вариант. Он пойдёт в другое место, и там ему будет по-другому не нравиться.

«Горе от ума» — это, на самом деле, «горе от среды», среда другая. Ну, пошёл бы он в другую среду XIX века. Например, в редакцию журнала «Современник» (Почитайте А.Панаеву). Абсолютно такой же гадюшник, как и в высшем обществе. Те же самые отношения, одна жена на двоих и прочие простые незатейливые удовольствия. То, что творилось в высшем свете, то же самое творилось в среде, которую сейчас вспоминают, как место скопления «прогрессивных демократов и разночинцев, тех, кто сделал русскую литературу и русскую историю». Но на уровне социальных отношений всё то же самое. Проблемы все те же самые — обезьяньи, никаких других.

Поэтому, вопрос в том, какую ты хочешь прожить жизнь. Если ты хочешь прожить так, чтобы попытаться воспользоваться человеческим мозгом и сделать что-то, чего не было до тебя в обществе и природе, в материальном или философском мире, то ты должен это делать. И, естественно, никому не будет это нравиться. Потому что любой человек, который обладает творческим потенциалом, уже социально

опасен и плохо принимается обществом. А если он ещё вдруг начал что-то делать, тем более то, что приносит результат, то его пытаются просто стереть в порошок. Это и в науке, и в политике, и в экономике, в искусстве, и в литературе, да где угодно.

Членами союза писателей у нас было две тысячи человек. Где их произведения? Где шедевры от нескольких тысяч художников? За всю советскую власть на выпускали несколько тысяч кинематографистов режиссёров, где кино? Фильмов нет, смотреть нечего. Те, кто идёт в режиссёры, художники, философы и прочее — не все из них действительно талантливые. Но они успешны с биологической точки зрения. У нас есть масса режиссёров, которые снимают мыло. И в советские времена они были, и сейчас в Голливуде их полно. Они снимают никчёмное кино с никчёмными артистами. Но они создают то, что всех устраивает. Тот, кто не думает — снимает кино для тех, кто не думает. Артисты изображают тех, кто не думает, также не думая ни о чём. Они все договорились между собой и им хорошо.

Но что будет, если подойти к человечеству по гамбургскому счёту? Что привлекало в том же Сталине, да и в тех же самых империях, даже если они были голодные? Или тот же Гитлер. Мне он не нравится, да и многим не нравится. Мерзавцы и людоеды. Но что в них привлекало? Может Германия была богатая? Нет, голодная страна, именно поэтому он пришёл к власти. Также как Сталин он говорил, что «да, мы сейчас босые, недоедаем, у нас нет топлива, того, сего, но мы будем строить великую страну!». Но эта идея уже не обезьянья, а человеческая. Для Гитлера это был, по сути дела, культ личности, доминантность. Он хотел стать главным бабуином в мире и в окрестностях, как в сказке «Урфин Джус и деревянные солдаты». И Сталин тоже. Но остальных-то они зарядили и показывали, что речь идёт о небиологических целях. И поэтому все с придыханием говорят, что «эти ребята были такие подлецы, мерзавцы и людоеды, но они предлагали не набивать помойник, не доллары печатать, а строить то, что для всего человечества». По своему. Но они пытались сделать что-то небиологическое. Они говорили: мы голодаем, не сводим концы с концами, но мы строим великую страну. Мы делаем великое дело, то, что не делал до нас никто.

Идеальное небиологическое делать не хочется, но его ретроспектива притягательна, как внутренние наркотики мозга. Посмотрите фильм «Триумф воли» Лени Рифеншталь. Все ракурсы и съёмки, которые она сделала про Гитлера, потом снимали про всех американских президентов, про всех наших секретарей ЦК и вообще всех великих президентов и политиков всего мира. Всё это плагиат с того фильма. Поздние подражатели Лени Рифеншталь призывали к биологической эволюции, имитируя небиологические достижения идеалистов.

Внутри каждого человека сидит небиологичность. И он хотел бы стать человеком. Почти любой человек, кто не совсем уж не в своём уме. Любой хотел бы жить по человеческим законам, но их нет. У нас

биологические законы, мы живём в биологической среде. А реальных человеческих целей не ставится. И поэтому даже убогие и дегенеративные, такие как гитлеровские и сталинские, они всё равно ценятся на вес золота. Потому что каждый участник этого процесса мог почувствовать себя человеком. Что он создаёт то, что не существует в природе. И это колоссальный соблазн, потому что человек хочет быть человеком. Но из-за среды, которая создана в результате биологической эволюции, у него это не получается.

Тот же капитализм создан биологической эволюцией. Это продукт именно биологической эволюции, а не социальной. И никакое это не развитие каких-то там производственных отношений. Это форма отношений между людьми. Форма именно биологическая, со всей жестокостью биологических процессов, когда цена человеческой жизни — ноль.

Амиран Сардаров: Психология говорит, что есть некие психологические зажимы и комплексы, которые можно раскрыть, переосмыслить и перепрограммировать. Сейчас есть модная психологическая теория, что все проблемы из детства, дескать, родители во всём виноваты. Или это всё чушь, просто у них изначально так устроен мозг и бороться с этим бессмысленно?

Сергей Савельев: Не совсем чушь, но зачем вот эти все модные дурацкие слова вроде «перепрограммирование». А когда не было программ, то как называли? Психологи — это самые популярные втюхиватели на бытовом уровне.

Конечно, человек очень сильно зависит от той среды, в которой формируется мозг. И, конечно, он должен испытать много разнообразных впечатлений, чтобы выбрать то, что ему нравится, раз у нас пока нет системы церебрального сортирования. Но доля этого важна ровно настолько, насколько его мозг к этому приспособлен. Потому что, ну показали мальчику всё, но понравилась ему красная «Феррари», и вот он начинает ею бредить. Она доброго слова не стоит, у нас в стране ездить на ней негде, дорог таких нет. И у человека возникает цель, но эта цель детская. Он начинает хотеть заработать много денег, чтобы сесть в эту железяку. А когда заработал и сел, то что дальше? Тогда уже надо оправдать свою бессмысленно прожитую жизнь, целью которой является какая-то железяка, созданная итальянцами. Они начинают придумывать какие-то коллекции картин, спонсорство, другая какая-то имитация. Реально же их мотивацией была детская и простая доминантность.

Так что ребёнку надо всё показать, но всегда есть опасность, что он может увлечься чем-то, к чему у него нет способностей. А увлечётся он просто из-за конкуренции с подростками, из-за подражания взрослым, и окажется в неудобной ситуации. Он будет заниматься тем, к чему мозг не приспособлен. Поэтому детей надо умело воспитывать. Есть

такие штуки, как возрастная психология и педагогика, которые говорят о том, что детей надо помещать в определённые условия. Которые давали бы им определённые знания в определённой последовательности, и никак иначе. А если делать то, что делается сейчас, то будут получаться вот такие инфантильные подростки, которые хотят только «отдыхать и расслабляться». Для мальчика в 5-м классе это можно рассматривать уже почти как патологию. Когда он хочет сначала отдохнуть, а после этого начать расслабляться. Это отличная перспектива. У него появятся половые гормоны, он захочет размножиться и закусывать. И мы опять возвращаемся в зоопарк.

Амиран Сардаров: А что же делать взрослым, у которых уже много психологических проблем и давления?

Сергей Савельев: Ищите среду, которая для вас будет подходить. Может быть, вы сами являетесь источником проблем. Я знаю много примеров, когда люди сами являются таким источником. Кому-то повезло, и у него были хорошие учителя, наставники педагоги. Все эти закомплексованные идут в разные кружки, начинают заниматься единоборствами и прочей ерундой. Там их проблемы только обостряются и приводят к ещё большему кризису.

Так что если вы хотите стать человеком, то будьте им. Иначе говоря, занимайтесь тем, что делает вас человеком. Прекращайте только потреблять и размножаться, и попробуйте что-нибудь создавать. Хоть что-то.

Самый верный способ того, как проверить, хочет ли человек заниматься наукой — это поставить его в такие условия, чтобы он начал тратить свои собственные деньги, которых у него нет. Если он начинает их тратить несмотря ни на что, значит, у него есть достаточный интерес, чтобы ей заниматься. А если он начинает как на Западе ходить с протянутой рукой и канючить, вместо того, чтобы взять и сделать, значит, скорее всего, это квалифицированный рабочий по найму, которого надо гнать из науки как можно быстрее. Наука и создание чего-то нового — это всегда жертва. Человек, который сидит дома, придумывает какую-то невероятную глупость и хочет её за свой счёт осуществить — он более творческий, чем десяток учёных, работающих по найму. Потому что они работают за деньги, а он работает, потому что это ему нравится. В науке нельзя ничего создать, если тебе это не нравится.

Человек — это всего 30 000 дней. Дальше яма 1x2x2 метра и холмик. Вот у тебя есть это время, так ты за него хоть что-то сделай, кроме того, как нажраться, размножиться и выпятить мускулистую грудь. Хоть как-то продемонстрируй, что ты человек. Но большинство проводят это время на лавочке, в кино и в развлечениях. Это биологические задачи. А людьми мы становимся только тогда, когда что-то создаем. Другого пути нет. Ты ничем не можешь доказать, что ты не мартышка,

раз ты ничего другого за жизнь не создал. Да, ты говоришь, у тебя есть абстрактное мышление и всё та прочая психологическая чушь, которая позволяет кого-то посредственного и никчёмного назвать человеком. Но у человека есть великая возможность создавать то, чего не было до него. Если человек этой возможностью не пользуется, то я не могу найти в нем отличия от высших приматов. Потому что в этом случае на человека действуют те же законы, что и в биологическом мире. Тогда не понятно, с чего он человек.

Амиран Сардаров: Потенциал разве есть у большинства?

Сергей Савельев: Да, но он разный. Если, конечно, человек не больной, которого надо лечить. А так у нас настолько большое разнообразие по мозгам и полиморфизм, что мы бы могли решать любые проблемы, если бы умели направлять эти мозги туда, куда нужно. Но пока у нас методов нет.

Амиран Сардаров: У некоторых людей есть какое-то ищущее начало, которое им не даёт покоя, заставляет постоянно копать и искать ответы на фундаментальные вопросы. Это тоже из-за особых зон в мозге, или ещё что-то есть?

Сергей Савельев: Конечно. Они не удовлетворяются стандартным поведением. Это не всегда могут быть гении. Они могут быть психопатами и идиотами, но это не имеет никакого значения. Для человеческой эволюции неважно, гений конкретный человек или полный идиот. Это абсолютно не значимо. Важно то, что он пытается решать те вопросы, которые не решались. Это в любом случае хорошо, потому что увеличивает полиморфизм и многовариантность этого мира. Всё, что увеличивает многовариантность — это надо поощрять. А всё, что делает людей одинаковыми как солдатиков в фильме про Мальчиша-Кибальчиша — наоборот, относиться к этому отрицательно. Когда немецкий солдат подходит под шлагбаум, ему бьют по голове, и он выравнивается. Сегодняшняя человеческая эволюция — это вот такое выравнивание шлагбаума. Все, кто высываются — тех, как С.Ю.Полонский — в тюрьму.

Ко мне регулярно приходят какие-то сумасшедшие. И вот как-то пришёл чудака, который занимается разработкой средств защиты от того, что инопланетяне проникают ему в мозг. Дело было летом, и он пришёл в меховой шапке с опущенными ушами. Он сделал всё, чтобы инопланетяне не ковырялись у него в голове, потому что чувствует, как они проникают в его мысли, как он рассказывал. Выяснилось, что днём-то он спасается, потому что в шапочке были защиты пятимиллиметровые титановые пластины. Поэтому инопланетяне не могут проникнуть в его мысли и покопаться в них. Но почему-то ближе к ночи у него происходят осложнения, инопланетяне всё же добиваются до его мозга. Я сказал ему, что просто, когда он ложится на бок, часть мозга остаётся неприкрытой пластинами, и поэтому над койкой ему

надо сделать титановый лист, и вот тогда он совершенно избавится от проблем с инопланетянами. Он ушёл счастливый. Поскольку он больше не приходил, видимо они перестали копать.

Я не говорю, что это хорошо или плохо. Я вообще никак не оцениваю. Но явление исключительности очень важно. Наверное, не надо давать ему управлять сталелитейной промышленностью, как-то воздерживаться от этого. Но тем не менее, это лишний раз подчёркивает, что даже в самых крайних патологических проявлениях, мозг надо ценить и беречь. Он иногда может принести всякие неожиданности. Это не значит, что все идиоты являются гениями. Но и это тоже имеет право на жизнь. Это проявление нашей необычности. Ценность человечества в том, что оно ещё не стало одинаковым. Всё это та изменчивость, которую надо ценить.

Женщины и размножение

Амиран Сардаров: Как вы видите отношения между мужчиной и женщиной не по «бабуинским» биологическим законам, а по «человеческим»?

Сергей Савельев: Мозги женщин по размеру меньше мужских, и меньше они за счёт ассоциативных центров, никуда не денешься. Приспособлены, в основном, для репродуктивных целей. Это не значит, что среди женщин нет способных людей. Есть, встречаются, но всё это отягощено половым диморфизмом и зачастую носит странноватые проявления.

Это не значит, что женщины «плохие». Они просто другие. Речь о равенстве идти не может. Нельзя людям, испытывающим постоянный гормональный стресс на протяжении репродуктивного периода жизни, давать возможность серьёзно чем-то управлять.

Если заведомо мозги разные, то и нечего предъявлять претензии. Есть половые различия. Не надо с них требовать того, что они не могут. Но и не нужно их уравнивать в правах. Могут быть равные биологические права, но не социальные. В биологических же всё должно быть равно.

Но если вы хотите избирать таких политиков, которые трёх слов связать не могут, то, конечно, надо дать женщинам избирательные права. Они и избирают вот таких чудачков, которыми, с их точки зрения, эффективнее управлять, их подчинять. Женщины при голосовании выбирают по биологическим принципам, а не по социальным. Они просто не могут в этом разобраться. Из них единицы это могут — те, которые возглавляют феминистические движения.

Проблема глубинная. Потому что в своё время уравнили в правах мужчин и женщин те западные лавочники, которые хотели добраться до мужских кошельков через женский пустой мозг. И добились этого. Продажи сильно возросли.

Я не хочу их обижать. Но женщины должны понимать, что они другие. И не надо заниматься тем, чего они не умеют. Детей воспитывают лучше женщины. Не надо мужикам лезть. Давать образование, учить сложным вещам, это да, мужики. Но воспитывать детей, ухаживать за ними, женщины умеют лучше.

Амиран Сардаров: Есть мужчины, которые ищут «особенную и не такую как все».

Сергей Савельев: Это значит, что мужчины уже не совсем адекватны, раз они до такого додумались. Значит, мужик не понимает, в чём разница между ним и женщиной. Я сочувствую. Это значит, что у него мозги до такой степени свёрнуты дурацкой пропагандой, что он даже

не может выйти на улицу, поговорить с женщиной и понять в чём разница. Женщины их подрезают, ездят со скоростью 40км/ч в левом ряду, и они продолжают считать, что они такие же.

Равенства в поведении нет. В отношениях нет. В оценках тоже нет.

Я не говорю, что женщины плохие. Они другие. И нужно для этих других создавать условия, в которых оптимально использовать эту разницу.

А чтобы в семье было нормально, для этого нужно выбирать женщин с теми же самыми мозгами, как у мужчины, хотя бы по общему типу строения. Тогда и конфликтов не будет. А так выбирают-то по внешним данным.

Амиран Сардаров: Как по общему типу, если мозги совсем разные?

Сергей Савельев: Там есть повторяющиеся соотношения структур. Надо найти мужской архетип и к нему подобрать более или менее похожий женский. Пусть разница будет двукратная, но они хотя бы будут в чём-то похожи.

Амиран Сардаров: Они будут жить счастливо?

Сергей Савельев: Да! Основная проблема у мужчин и женщин, это когда через пять лет совместной жизни выясняется, что в слова вкладывают совсем другой смысл. Потому что отбирали так, что у этого волосатая грудь и косая сажень в плечах, а у этой ножки до ушей и сиськи здоровенные. Причём тут счастливая жизнь? Вы собрались размножаться. И по такому принципу друг друга отобрали. Вот и размножайтесь, какие претензии к мозгам.

А если вы хотите ещё и жить долго вместе, то надо, чтобы совпадало. Это тоже инструмент избегания разводов и конфликтов. Хотя можно, конечно, использовать традиционное восточное воспитание, когда женщина просто ставится ниже плинтуса, и они ведут себя тихо и послушно. Таким образом, компенсируют собственные проблемы и недостатки. Это один путь.

Если же вы хотите как в цивилизованном обществе, чтобы не убивать их, если посмотрели не туда, тогда давайте подбирать по мозгам — это наиболее цивилизованный вариант.

Я женщинам очень сочувствую. Потому что задача-то разная у мужчин и у женщин. Отсюда разная стратегия поведения, конфликты. Проблема подбора устойчивых пар. И решается только тогда, когда вы будете глядеть на мир одними глазами.

А так она смотрит на мужика, богатый и красивый, детей нарожает от

него и все будут обеспечены. И она модифицирует поведение так, чтобы ему понравиться. Подстраивается под него год-два-пять-десять. Потом спохватывается, зачем я всё это делаю! А ты что делала в начале? Твоя цель какая была? Детёныша получить и его выкормить. Больше у тебя ни одной мысли в голове не было. Получила. А жизнь-то не кончается на том, что ты размножилась. Она же продолжается. Люди живут долго. Если бы мы жили как обезьяны, то можно было бы размножиться и умереть, всё нормально.

Амиран Сардаров: То, что вы говорите, 90% женщин в принципе не поймёт.

Сергей Савельев: Они не слышат этого, так может быть и не надо заставлять их слышать то, что они не могут? Я же не против женщин. Я против того, чтобы заставлять их делать то, что они даже воспринимать не хотят. Только эмоционально-гормональная реакция. «Нас обижают, нас считают хуже, унижают, деклассируют». Я сочувствую, конечно, но это только лишний раз подтверждает мои слова.

Амиран Сардаров: Вы говорите о том, что для женщины главное размножиться и вырастить детёныша за счёт мужика. Но почему тогда сейчас многие молодые девицы вообще не рожают, а только тусуются и развлекаются за счёт всё того же мужика?

Сергей Савельев: Нормально. Им кажется, что это некие ресурсы. Здесь у человека много зависит от того, в какой среде он вырос. Среда такая, где доминантность высокая, там они будут вот так бегать. Но всё равно их потом начинает «колбасить» на эту тему, обычно годам к 30-ти появляются истероидные состояния. Это всё хорошо известно, проходили во все времена. Это симулянтки. Вон в советские времена они не собирались рожать, а строили коммунизм. Сейчас эти героини «строят карьеру» или «вливаются в высшее общество». От биологических начал не убежишь. Тем более женщинам, как бы они ни хорохорились.

Амиран Сардаров: Более того, сейчас есть такие, которые не только не рожают, но и даже деньги с мужиков не тянут. Изображают самодостаточных. Всякие хипстерши, покемонши и бизнесвумены. Это всё тоже симуляция?

Сергей Савельев: Ну, пусть они не живут за счёт мужика. Но при этом всё равно живут по биологическим законам. Они вечно доказывают, что они лучше, «борются за равноправие». Это набор иллюзий, имитация. В конце концов, оказывается всё одно и то же. Известно, чем это всё заканчивается. Есть опыт тех же самых хиппи. Это было огромное колоссальное течение, захватившее весь Западный мир. И чем это кончилось? Из хиппи вышли отличные обыватели, замечательные. Чудесные немецкие бургеры с огромными животами, пивными кружками и сосиской в зубах. Абсолютно безопасные.

Амиран Сардаров: Женщину, подходящую по мозгам, можно найти тоже только методом перебора?

Сергей Савельев: С церебральным сортином будет проще, а сейчас пока приходится помучаться. Дело в том, что женщины, когда видят цель, они довольно долго могут имитировать очень сложные формы поведения. И даже добиваться того, что они будут составлять, чуть ли ни часть их личности. Превратятся в часть личности. К этому приводит длительная имитация. На эту тему есть отличное стихотворение у Быстрова, был такой выдающийся анатом, недавно книжка о нём вышла, советую почитать. Стихотворение называется «Фифа». Так вот, если ты занимаешься эволюцией, то она интересуется Дарвином. Если химией — то синтезом. Там в кратком стихотворении вся женская суть. Когда они добиваются своей цели, то могут имитировать любую форму поведения и любые интересы. Для них это всё вторично, они с этим с удовольствием и быстро расстанутся, когда решат свою проблему.

Амиран Сардаров: А женщина имитирует, когда влюбляется в мужчину, у которого нет денег, но он активно стремится к доминантности? Или самообман?

Сергей Савельев: Женщина может влюбляться и в алкашей, и вообще в полный «андеграунд». Это не самообман. Для женщины важны не только деньги, имущество и успешность. Для женщины, а точнее для её потомков, то есть для её размножения — большое значение имеет исключительность мужчины. Не важно какая, мошонку он прибил на Красной площади, или наблюдал за прибиванием мошонки из «Роллс-ройса». Это не имеет никакого значения. Для них важна амплитуда исключительности. Если есть исключительный самец, то больше шансов, что у потомков будет исключительная ситуация. Они это инстинктивно понимают, поэтому тянутся как к миллиардерам, так и к бездельникам алкашам.

Амиран Сардаров: От миллиардера она не уйдёт, а в случае с бездельником поймёт, что биологические задачи не выполняются, денег нет, жить не на что.

Сергей Савельев: Обычно успевают завести парочку детей, пока находятся под действием гормонов. Потому что для женщины важна исключительность самца. Женщина не любит посредственностей. Почему они увлекаются всякими придурками, совершенно асоциальными? Потому что в них видят исключительность. Вон какой-нибудь самец окучивает по двадцать женщин в неделю, и с такими они с удовольствием, потому что родится такой же бабуин и у него будет неплохой результат.

Амиран Сардаров: Меня в детстве поражало, как мои старшие братья производят впечатление на женщин, когда они двух слов не то, что по-русски, а в принципе связать не могут.

Сергей Савельев: А причём тут слова? Они агрессивные и уверенные в себе. Абсолютно недалёкие. Женщинам такие нравятся. Вон у нас из глав государств, кто пользовался наибольшей популярностью у женщин? Михаил Сергеевич Горбачёв. Маленький, лысенький, трёх слов связать не может. Женщины балдели, голосовали за него хором. Потому что абсолютно никакой. Выйти замуж за такого и управлять им — одно райское наслаждение.

Амиран Сардаров: Люди хотят найти родственную душу, «большую чистую любовь», но получают в итоге только разочарование и страдания. Как облегчить жизнь, и связано ли это только с инстинктом размножения?

Сергей Савельев: Да, они хотят размножаться. Прожить долгую счастливую жизнь и умереть в один день. Цели абсолютно биологические. Естественно, и подбор партнёров должен быть тоже биологическим.

Амиран Сардаров: Так мучаются постоянно. Появляется некий объект, накладывают на него какие-то ожидания, он их не оправдывает, да и не может оправдать, потому что не подходят друг другу по мозгам, а потом разочаровываются. И так без конца.

Сергей Савельев: Это биологический процесс. Его можно нарушить только церебральным сортигом, больше никак. Иначе так и будем мучиться дальше. Тем более, на гормональном фоне, когда объективность и критичность близки к нулю.

Амиран Сардаров: Благодаря вам прояснил для себя суть женщины, и теперь неинтересно с ними вступать в отношения просто ради размножения. Хотя инстинкты вроде как тянут. Но настолько неинтересно, что иногда даже отдавать должное инстинктам неохота. Как найти баланс?

Сергей Савельев: Ну конечно, это же ужас-ужас какой-то. Ведь и поговорить иногда хочется. Если у тебя чуть-чуть изменяется планка отношений, набираешься того, сего, пятого, десятого, то начинаешь рассматривать себя более отстранённо и со стороны, как такого бабуина, то, естественно, возникает некая неприязнь к событиям. Это вполне понятно.

Амиран Сардаров: Как будто даже на гормонах сказывается, прямо нет желания.

Сергей Савельев: Мозги очень сильно влияют на гормоны. Всё-таки у нас гипоталамус находится в мозге, а не в хвосте и не в сердце. Это цена интеллектуального мышления. Как только начинаешь задумываться и оценивать женщин, с которыми общаешься, то сразу вырастает планка, и они в твоих глазах резко падают. Потому что ты начи-

наешь видеть суть явления. А когда ты видишь суть явления, то надо быть достаточно самокритичным, чтобы идти на какой-то контакт. И понимать, что мы всё же полуобезьяны, и иногда мозги вредят. Надо адекватно воспринимать самого себя и окружающих женщин. Не надо от них ждать интеллектуальных подвигов.

Амиран Сардаров: Когда приходишь к пониманию всего этого, то вообще не хочется с ними даже разговаривать.

Сергей Савельев: Ха-ха. Ну, к сожалению, вот такая плата за понимание. Цена вопроса. Потому что ты тут же видишь, что происходит. Имитацию, желание понравиться. Тот же Быстров описывает 20-е и 30-е годы, Санкт-Петербург, Медицинскую академию и тамошние взаимоотношения. Ко всему этому относится очень адекватно и критично. А с женщинами уже ничего не сделаешь. Если начинаешь хорошо разбираться в сути человеческого бытия, то многие вещи становятся не очень интересными. Потому что ты же не можешь постоянно смотреть один и тот же фильм.

Амиран Сардаров: Так это же на здоровье сказывается, потенция падает.

Сергей Савельев: Ничего просто так не бывает. За всё приходится платить. Надо решать эту проблему. К сожалению, наша полуобезьянья сущность нам очень дорого обходятся. А вообще, до какого-то возраста половая жизнь является важнейшим компонентом, потому что гормональные стрессы, которые человек испытывает при отсутствии такой жизни, конечно, очень сильно сказываются.

Разное

Амиран Сардаров: Какие причины возникновения смеха?

Сергей Савельев: Смех — это всегда парадокс, который человек не мог придумать себе до этого. Некое парадоксальное до такой степени событие, что его невозможно предсказать. Причём это не обязательно может быть положительное, хватит и отрицательного. Человек упал и на ровном месте разбил нос, народ смеётся. Он смеётся не потому, что его не жалко, а потому что ситуация парадоксальная. Смех — это некий простой физиологический вариант смещённой активности, когда не поступить никак не можешь, но в результате парадоксальной ситуации поступаешь именно так. Это не универсальная вещь. Иногда это парадокс интеллектуальный, иногда парадокс движения, когда тот же Аткинсон что-то изображает. Вообще, смех — это отдельная большая история, которой очень много занимались.

Амиран Сардаров: Почему когда один зевает, рядом другой тоже начинает?

Сергей Савельев: Есть такой феномен, как синхронизация дефекации коней. Когда одна лошадь начинает класть кучу, все вокруг начинают тоже. Это синхронизация движения, то есть когда вы видите, что другой человек зевает, то ваши мышцы непроизвольно делают те же самые сокращения. Появляется спусковой механизм, чтобы сделать то же самое. Так же и у лошадей. Одна начинает валить, остальные видя это, начинают подражать движением мышц, и делают то же самое. Это же касается и поведения человека в толпе.

Амиран Сардаров: Есть ли СПИД? Есть мнение, что это выдумали в коммерческих целях.

Сергей Савельев: Есть вирус иммунодефицита, который быстро модифицируется. Он есть, другое дело, что славянское население является носителем, но болеет реже, чем другие народы, в основном после метисации. Поэтому некоторые моменты чересчур драматизированы. А европейское и американское население болеет сильно и умирает часто.

Амиран Сардаров: Лекарство намеренно не изобретают?

Сергей Савельев: Он очень быстро модифицируется, изменяется. Не успевают сделать.

Амиран Сардаров: А какая ситуация с антибиотиками? Мы постоянно адаптируемся?

Сергей Савельев: Да, конечно. Микроорганизмы постоянно адаптируются. Антибиотики надо продолжать делать, другого пути нет. У нас

два результата — хирургия и антибиотики. Это тоже спасает жизни большинства человечества.

Амиран Сардаров: Почему появляется рак? Может ли это быть как команда на самоуничтожение, идущая из мозга?

Сергей Савельев: Чушь собачья, выдумки. Онкологические заболевания есть даже у лягушек, которых нельзя заподозрить в творческом мышлении и религиозности.

Есть масса причин. Начиная от вирусных, заканчивая морфогенетическими. У нас каждые полчаса образуются новые раковые клетки. Они поедаются другими клетками. Но если их накопится довольно много, организм зазевается, то может и стрельнуть. Это явление как плата за возобновляемость системы органов. Кожа у нас всю жизнь растёт. Клетки размножаются. Где-то происходит сбой. И они начинают делиться, не превращаясь в клетки кожи. Вот вам и рак.

И причин миллион. Механизмы надо изучать, но этим никто не занимается. Потому что это невыгодно. Фундаментальными механизмами занимается фундаментальная наука. Но она нигде всерьёз во всём мире не финансируется, она никому не нужна.

Разрабатывают препарат, но его невозможно разработать без изучения фундаментальных механизмов. На что он будет действовать? Ну давайте будем собирать, как сейчас делается во многих странах, всё подряд и лечить онкологические модели заболеваний на животных. Результат получим, но через 1000 лет.

Амиран Сардаров: А как же единичные случаи, когда человек при 4-й стадии вдруг излечивается?

Сергей Савельев: Надо сначала установить, что она у него была. В большинстве случаев это фальшивки. Также мелкие жулики «лечат» диабет. А потом рассказывают всем, что был рак, а они вылечили. Вначале надо установить. Чтобы установил не ветеринар с конного завода.

Амиран Сардаров: Нобелевские лауреаты — гении?

Сергей Савельев: Нобелевская премия за последние 10 лет в области биологии была только одна — честная и за дело. Но выдана при этом, разумеется, не тем, кто сделал открытие. Вот одна единственная премия по Хайфлику, почему клеточные деления ограничены. Сперматозоид в яйцеклетку попал, дальше 50-55 клеточных делений и смерть. Ничего с этим сделать нельзя. Дав нобелевскую премию за открытие этого важного явления, жуликоватых европейцев не переклинило? Они же поставили крест на клонировании и стволовых клетках, чем во всю нынче торгуют. Это работа об ограничении

клеточных делений (предел Хайфлика), который первым предложил наш соотечественник Оловников, опубликовал на Западе, и её как всегда утащили. Западные люди — это такое скопище особо циничных бабуинов. У них уровень социализации весьма высок, поэтому любая моральная ценность будет дискредитирована, если это приведёт к социальным преимуществам. Понятия морали в Европе вообще не приемлемы, всё это глупость. Почему рассыпался католицизм? Потому что самая главная мораль полностью фальсифицирована.

Амиран Сардаров: Бессмертие невозможно?

Сергей Савельев: Да нет, конечно, это чушь полная. Стволовые клетки и клонирование это удел жуликов от науки, которые пользуются безграмотностью чиновников и деньгодателей, для того, чтобы хорошо заработать, это чистый бизнес.

Пока за десять лет одна честная премия. А всё остальное — это вообще левота. Причём там и в области физики, не хочется в этом влезать. Но в основном это политика. Это бизнес, причём очень большой. Всё об этом известно, для любителей могу предложить почитать роман, так и называется «Нобелевская премия». Человек знает кухню изнутри, подробно её описал, но в виде такого романа, в котором естественно всё кончается чинно и благородно, все честные и безупречные. Но он в процессе этого романа показывает все внутренние потроха этой премии — как, за что и кому её вручают.

А Менделееву почему не вручили? Как-то странно, да? И таких странных примеров очень много. Может от того, что на Запад не уехал, как Мечников? Если бы это действительно было критерием человеческой научной деятельности, то, наверное, таких чудовищных проколов бы не было.

Все там занимаются политикой. Это давно политический инструмент давления на те или иные страны и создания некой социальной атмосферы. Опять же все те древние бабуинские приёмчики, чтобы повысить свою доминантность и уменьшить у окружающих.

Амиран Сардаров: Может быть жизнь на других планетах? Похожие на нас могут быть?

Сергей Савельев: Конечно. Бесконечное разнообразие. В этом бесконечном разнообразии галактик мы можем найти всё что угодно.

Амиран Сардаров: Что можете сказать о «телегонии»? Выдаются разные версии, начиная от того, что сперма остаётся во влагалище, и может попасть при последующем спаривании. Или же то, что если переспала с одним, а забеременела от другого, то «генетика» предыдущего уже попала ей в кровь. И что последующие дети даже от других самцов могут быть чем-то похожи на предыдущих. Миф?

Сергей Савельев: Про «генетику» это ерунда. Вся эта иммунногенность и т.д.

Есть рептилии, у которых по три года сперматозоиды живут. И через три года эта самка может откладывать яйца, оплодотворённые тем самцом, который давно сдох. Внутри неё депонированы сперматозоиды.

У человека тоже иногда находят сперматозоиды в перитониальной области, которые неизвестно сколько там были. Бывает такое. И они могут участвовать. Но это редкость, и плохо исследовано, мало доказано.

Амиран Сардаров: Имеет ли смысл с биологических позиций брать в жёны девственницу, или можно не морочиться по этому поводу?

Сергей Савельев: Никакой разницы особо нет. Те же древние римляне своих девственниц сначала отдавали рабам, чтобы потренировать.

Вопрос в том, что люди с обезьяньими представлениями хотят гарантий, что именно их геном будет перенесён в следующее поколение. А не соседский. Отсюда тяга к девственницам. Гарантия того, что твой геном будет перенесён. Чисто биологическая цель. Дальше, с помощью рассудочной деятельности, пытаются сделать это максимально достоверным и эффективным. Всё равно плохо получается. Очень много левого народу.

У самого строгого соловья треть детёнышей от того, к кому самка налево сходила. Хотя он охраняет территорию, стережёт гнездо, за самкой следит. Что толку, всё равно каждый третий левый.

Амиран Сардаров: Вы как-то сказали: «Чем больше качаешься, тем быстрее помрешь». Во времена Шварценеггера качки, которые качались на стероидах, сегодня живы и здоровы, им за 70 и некоторые из них продолжают дальше качаться. Как это объяснить?

Сергей Савельев: Кто-нибудь считал, сколько умерло? Давайте возьмём большую выборку и посмотрим, сколько там померло. Успешные спортсмены мрут быстро, это всем известно. Продолжительность жизни 45-50 лет. Проблема в том, что мышцы могут сократиться конечное количество раз, примерно 800 млн. Не бесконечно они могут сокращаться. Выработаешь ресурс и будет конец.

Амиран Сардаров: Кстати, что можете сказать о стероидах и гормоне роста, плохо, хорошо?

Сергей Савельев: Не надо. Всё это выделяется само, когда человек растёт. За всё придётся платить. Чем больше стимулируешь искусственно любые метаболические процессы в организме, тем быстрее они заканчиваются. Наша органика конечна.

Амиран Сардаров: А то, что весь Голливуд сидит на этом гормоне роста, они все выглядят молодо?

Сергей Савельев: Пусть сидят. Отдалённых последствий никто не видел. Вообще, я считаю, что нужно разрешить все виды стимуляторов. И ввести единственное ограничение: рекорд считается засчитанным, если спортсмен прожил после него 30 минут, чтобы успеть его наградить.

Идёт борьба не столько по поводу развития человеческих способностей, сколько индивидуальная химизация и подбор стимуляторов для каждого конкретного человека. Вопрос технологический. Я сам могу предложить массу невыявляемых на сегодняшний день способов, которые бы позволили рекордам дать наши звонкие имена.

Амиран Сардаров: Как спорт влияет на здоровье?

Сергей Савельев: Спорт без перегибов, так чтобы человек не сильно перегружался, он, конечно, полезен. Но я считаю, что ещё более полезен любимый огород с лопатой. Виноград вырастет, огурцы, хорошее дело. И физически разовьётесь. Вместо того, чтобы качаться на этих убогих тренажёрах, созданных неизвестно кем, и непонятно с какими целями.

Амиран Сардаров: Цель-то простая — доминантность и размножение.

Сергей Савельев: Ну да, если с этой позиции. Но вообще для здоровья полезен разнообразный физический труд. Это намного лучше спорта. И мышц больше включается. Пойди попробуй пособирай колорадских жуков на картошке. Если это не превращать в смысл жизни, то полезно.

О себе

Амиран Сардаров: В России существует второй Савельев? Другой такой же крутой, как и вы?

Сергей Савельев: Да я не крутой. Просто рассказываю о том, чем я занимаюсь. Пытаюсь это сделать доступно, чтобы было понятно всем. Потому что учёные, которые не могут школьнику объяснить, чем они занимаются — это или идиоты, или жулики. Что, собственно говоря, мы постоянно и наблюдаем. Как у нас в стране, так и за рубежом. Вот я и пытаюсь рассказать о мозге. Потому что дело сложное, жуликов и мистификаторов полно. Поэтому я рассказываю то, что есть. Может быть, я не всегда прав, бывают такие случаи. Но то, что я знаю — это всегда можно проверить. Потому что я занимаюсь структурой, которую можно взвесить, измерить и посмотреть. Морфофункциональная организация — сначала структура, а потом всё остальное.

Амиран Сардаров: Для вас есть авторитеты?

Сергей Савельев: К сожалению, на сегодняшний день таких авторитетов уже нет, все перемёрли. Были авторитетные люди и хорошие специалисты. Сейчас специалистов в моей области очень мало, даже в мире. Потому что область не модная, денег на неё не дают. И она считается как бы завершённой частью нейробиологии. Поэтому конкуренция небольшая, работы много.

Когда я начинал свою деятельность, то мой шеф, учитель, Вадим Петрович Зворыкин (кстати говоря, племянник того самого Зворыкина, который изобрёл телевизор), спросил меня:

- Вы уверены, что хотите заниматься тем, чем занимаетесь?

- Да, конечно.

- Имейте ввиду, — сказал он как-то мимоходом. — что хороший нейроморфолог формируется через 20 лет. Вы как?

- А я никуда не тороплюсь.

И он почти не ошибся. Мне понадобилось 25 лет.

Амиран Сардаров: А сколько вам было лет, когда начали?

Сергей Савельев: Чисто неврологическая часть началась с 19-ти.

Амиран Сардаров: Верили в религию когда-нибудь?

Сергей Савельев: Да, как выросший в Советском Союзе, который был наполнен фальшивками, ложью, гнусными комсомольскими и партийными вожаками, которые только и знали, что воровать, прямо или косвенно, и пользоваться всем этим — естественно, в такой гнусной и омерзительной среде, которая не подлежала даже обсуждению, то как всякий нормальный человек, у которого была хоть одна извилина в ви-

де протеста против этого всего, начинал искать выход. Какие были выходы? Религия. Я в детстве самостоятельно и без чьей-то посторонней помощи ходил в церковь, интересовался священными писанием и религиозными книгами. Пока не понял, как это всё устроено. Когда я увидел очередной вариант учения марксизма и ленинизма, только в другом виде, то быстро перестал к этому относиться серьёзно. Если отдаёшь отчёт о происходящем, то быстро приходишь в сознание.

Амиран Сардаров: Долго перебирали, прежде чем прийти в свою профессию?

Сергей Савельев: Никогда не перебирал. Вообще ничем больше не занимался. В этом отношении я ограниченный человек. Так сложилось, что я в семилетнем возрасте оказался на биологическом факультете одного из московских ВУЗов. И там довольно много лет вынужден был сидеть в уголке на задней парте, пока родители учились. Поэтому с детства я прослушал институтский курс первый раз. Потом, когда подрос, будучи школьником, ездил в университет и прослушал второй раз. А потом и сам учился. Ну, вот за 15 лет даже такой бестолковый, как я, смог получить высшее образование. То есть я много раз прослушал одно и то же, и, видимо в силу своей тупости, мне было одинаково интересны все три раза. Поэтому больше ничем не занимался, даже читать выучился по биологическим книжкам. Не знаю, хорошо это или плохо.

Амиран Сардаров: Вы можете сказать, что вам повезло, и вы для себя нашли профессию по душе?

Сергей Савельев: Не знаю, я же не занимался больше ничем другим. Вообще, мне никогда не везло. Как может профессор сказать, что ему повезло, если он десять лет проработал лаборантом? Поищите мне профессоров, которые по десять лет лаборантами работают. Что-то я не вижу вокруг себя ни одного.

Амиран Сардаров: Бывало такое, что опускались руки?

Сергей Савельев: Конечно, непрерывно. В советские времена я вообще не собирался делать какую-то научную карьеру, а хотел заниматься тем, что мне нравилось.

Амиран Сардаров: Фотографировать?

Сергей Савельев: Ну почему. Фотография — это один из инструментов моей науки. Мозги всегда снимались. Цитоархетектонику, макро, микро, всякие другие вещи. Это было частью профессии. Если человек занимается профессией, то он должен уметь в ней делать всё. Вот это было одним из сложнейших компонентов, многие так и не научились. А если полагаться на какого-то фотографа, гистолога-лаборанта, а самому сидеть и мыслить — в результате станешь болтливым идиотом, что

мы часто и видим. Человек должен уметь делать в своей профессии всё, иначе он не профессионал. Поэтому, я занимался всем, кто касалось моей профессии. У меня был избыток времени, я никуда не торопился, потому что в советские времена торопиться было некуда.

В 19 лет у меня была возможность уехать в Германию. Один из крупных немецких профессоров, посмотрев мои препараты в Институте мозга, пригласил меня делать то же самое, но в Германии, натурализоваться. Но я не поехал, потому что понимал, что там мне придётся делать то, что скажут, а не то, что мне нравится. Осознанный выбор.

Амиран Сардаров: Что для вас работа, способ интересно проводить время, это делает вас счастливым?

Сергей Савельев: Счастливый человек это тот, кто делает то, что ему нравится. Я это и делаю. Могу ответить стихами из букваря Бёме, который издали во Франции русские мигранты и крупные художники. Женщина по фамилии Бёма подобрала в том числе сочинителей стихов, которые написали к каждой букве свой стих. И вот в буква «л» был такой стишок, который полностью отражает моё представление об этом мире и свою позицию в нём. Он звучит так:

*Леший, сидя в чистом поле
Лапти плёл, свистал, да пел
И довольный своей долей
Никого знать не хотел*

Из гуманистических соображений я рассказываю о своей работе. Но вот этим стихом исчерпывается моя реакция и на внешние моменты и на всякие другие проблемы.

Амиран Сардаров: А как вы вообще относитесь к людям? Были когда-то идеалистические желания им помочь?

Сергей Савельев: Это объект моих исследований, как мне их не любить. Людей я знаю хорошо, давно среди них живу. Представить себе, что та среда, в которой я вырос, и что ей требуется помощь — это, конечно, смешно. Вы не представляете, что это за район в 60-е и 70-е годы. В отношении человечества никаких иллюзий у меня не было. Но это не значит, что они мне не интересны. Это бесконечный источник вдохновения.

Жалко, конечно, когда ты наблюдаешь, как люди десятилетиями совершают одни и те же ошибки и не отдают себе отчёт о том, что они делают. Это позволяет задуматься о мозге. Когда вы занимаетесь мозгом, то наблюдение за людьми — это такой же инструмент научного исследования, как и ковыряние в мозгах усопших людей. Это столь же важно, иначе вы не поймёте, как это всё работает. Такой же компонент.

Амиран Сардаров: У вас есть мечта?

Сергей Савельев: Дожить до церебрального сортинга, получить возможность активно работать, чтобы было необходимое оборудование, чтобы изучать мозги хотя бы post mortem многих талантливых и одарённых людей, которые умирают. Наладить цитоархетонический анализ, хотя бы после смерти людей. А в идеальных условиях — и при жизни. Меня интересуют не так уж и много людей. Но таких возможностей у меня сейчас нет. Потому что на это требуются очень значимые ресурсы, а у меня нет необходимого и достаточного оборудования. Хотелось бы создать такой завод по изучению мозга, с цехами по квадратному километру, чтобы была точная техника и налаженная система, которая бы позволяла собирать то бесценное в человечестве, а именно его мозги, и исследовать их.

Вот в таких масштабах. Чтобы я мог смотреть все эти мозги. И тогда я был бы совершенно счастлив. Но, боюсь, что это несбыточная мечта. Я уже когда-то попробовал свою мечту на вкус. Книга про Изменчивость и гениальность — это романтическое послевкусие. Для осуществления моей мечты нужно реальное желание человечества разобраться в собственных мозгах. Такого желания я у него не вижу. Программы, которая сейчас делают в Европе, которые делает Обама — они никогда ни к чему не приведут. Они порочны в своём зародыше. И это не те деньги, за которые можно что-то сделать. Программа реального изучения мозга человека, хотя бы на том уровне, который я вижу на сегодняшний день, чтобы она давала результат через 3-5 лет — это требует серьёзных вложений. Таких вложений нет, и я боюсь, что не доживу. Но это ничего не значит. Всё, что могу — я делаю. Может быть найдутся заинтересованные люди, которые как-то это сделают, со мной или без меня.

Так что мечта есть. Превратить зародыши исследований в реальные события. А я прекрасно понимаю, что то, что есть сейчас — это только зародыши проектов. Тех реальных масштабных дел, которые решат ключевую проблему человечества. А именно сделать людей людьми. Чтобы нами руководила рассудочная деятельность, а не инстинкты.

Амиран Сардаров: Вы же наверняка представляете, как люди будут жить с церебральным сортингом?

Сергей Савельев: Это когда люди будут решать проблемы не биологические, а разумные. У нас есть масса человеческих проблем, которые можно решить легко и непринуждённо, если пользоваться небιологическими принципами организации общества.

Амиран Сардаров: Есть какой-то фильм или книга, как пример для вас?

Сергей Савельев: Нет. Все, кто эти занимаются, они хватают только какой-то кусочек. Тот же Фрейд, которого никто не любил и он чуть не рехнулся от спермотоксикоза, схватил себя за пипиську, и вот с этим носился. Также и все эти фильмы. Они хватают какую-то узенькую проблему и носятся с ней как с писаной торбой. Поэтому у такой проблемы решения не будет. Все эти фильмы меня забавляют своей убогостью. Если было бы желание, можно было бы снять такой фильм, что это было бы потрясением для человечества.

Я предлагал власть имущим осуществить эту мою мечту про церебральный сортинг и исследование человеческого мозга. Основная реакция на это — значительный испуг. Первое, что происходит — это они все боятся. Дескать, как это, а к чему это приведёт. Для них, видимо, ни к чему хорошему.

Но нас это приведёт к пониманию самих себя. У нас же нет никакой планетарной идеи. Проблема не в национальной русской идеи, ерунда это всё абсолютнейшая. Мы давно преодолели эти проблемы. Искать национальную русскую, иракскую, иранскую, американскую, английскую, французскую идеи — это идиотизм в чистом виде. Искать надо планетарную идею. И единственная с моей точки зрения планетарная идея — это сделать эту планету не планетой животных, которой она является сейчас, а планетой людей. Чтобы всё на этой планете решалось разумно и рассудочно. Но для этого мы должны очередной раз напрячься и перебрать сами себя. Мы должны сделать тот самый отбор, которого до сих пор ещё не было в природе. Разумный отбор разумных людей. Тогда что-то изменится.

Это планетарная идея. Больше нет и не будет каких-то национальных и государственных идей, это смешно. Какое бы государство ни было, какой бы знатный бабуин его ни возглавлял — это полная ахинея, это ничего не решит. Нужно искать планетарную идею. Которая состоит не в том, чтобы покрыть планету толстым слоем вымирающих видов. «Спасём природу» — что это такое? Это для умственно отсталых. Речь идёт о том, чтобы сделать планету людей, чтобы существовал человек разумный. Но у нас до сих пор даже нет критерия отбора людей разумных. Мы живём по биологическим законам, и способов отбора разумных у нас тоже нет. На нас действуют те же самые биологические законы. Мы как были скотами, так ими и остались. И эволюционируем мы по скотским законам. Так может, остановим это безобразие и сделаем планету людей? Которые будут пользоваться разумом для решения любых проблем. Для этого не надо ни с кем дружить. Не надо всех на планете немедленно полюбить в экстазе и слиться в оргазме. А нужно запустить механизмы отбора, которые бы давали людям разумным преимущества, которые позволят им совершить биологический переворот. Надо изменить биологическое течение эволюции, заменить его на рассудочное. Если этого не произойдёт, то никакой планеты людей не будет. Будет планета скотов.

Амиран Сардаров: Кроме вас, исторически такие идеи кому-то приходили?

Сергей Савельев: Я, честно говоря, не большой знаток философии, хотя много чего читал. Но не сталкивался. Никто не предлагал человечеству стать разумным. Как-то это в философии не отражено. Почему-то разум является каким-то побочным продуктом, уделом элитарного количества людей.

А речь идёт о том, что в наших силах сейчас запустить совершенно другой путь человечества. Наладить отбор сапиенсов, тех самых, которые будут рассудочными. Давайте сделаем это, сколько можно жить по законам примитивнейшей архаичной эволюции. Надо набраться в себе совести и сказать, что мы вот такие засранцы, чёрт знает что из себя представляем.

Амиран Сардаров: Как вы думаете, какая критическая масса нужна для понимания? И когда это вообще произойдёт?

Сергей Савельев: Когда начинались изменения в методах отбора мозга, это достигалось при 10% понимающих людей. Так обычно было в истории. Сейчас может хватить и одного процента. Но в целом будет заторможено, потому что биологический комфорт, который достигнуть в развитых странах, он как раз сильно отодвигает этот процесс. Потому что исчезает биологическая мотивация.

Напоследок

С профессором можно говорить бесконечно. На одни и те же вопросы получать развёрнутые и разносторонние ответы. Он настолько глубоко видит, знает и понимает всё, что происходит в нашем мире, что любые его ответы ценны на вес золота. Их можно долго обдумывать, применять на практике и приходиться к разным результатам.

По мере возникновения интересных вопросов и желания профессора ☺, я надеюсь, эта книга будет расширяться, а возможно и появиться следующая часть.

Многие отрывки из интервью с профессором я добавляю в свои книги, в качестве научных трактовок практических результатов.

Амиран Сардаров, 2013

www.asardarov.ru

www.vk.com/amirans

www.asardarov.livejournal.com